

СМЕНА

ДВУХНЕДЕЛЬНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ
КОМСОМОЛЬСКИЙ ЖУРНАЛ

ЧИТАЙТЕ в журнале „СМЕНА“ большой роман
приключений

„ПОТОМОК
ВЕНЕЦИАНСКОГО ДОЖА“

(Рисунок на обложке настоящего номера „СМЕНЫ“ изображает
один из моментов романа)

Требуйте № 1, где помещено начало романа.

К СВЕДЕНИЮ ПОДПИСЧИКОВ,

ПОЛУЧАЮЩИХ ЖУРНАЛЫ ИЗДАТЕЛЬСТВА „МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ“
ПО ПОЧТЕ НЕПОСРЕДСТВЕННО
ОТ ГЛАВНОЙ КОНТОРЫ ИЗД-ВА

Начиная с 1 января 1928 г. Издательство „МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ“ перешло на новый упрощенный способ экспедирования почтовых отправок по журналам: „СМЕНА“, „МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ“, „ЮНЫЙ КОМУНИСТ“, „КОМСОМОЛЬСКИЙ АГИТПРОПРАБОТНИК“, „ВОЖАТЫЙ“, „КИМ“, „ИЗВЕСТИЯ ЦК ВЛКСМ“, „ПИОНЕР“, „ЗНАНИЕ—СИЛА“, а также и объявленных бесплатных приложений к ним.

В отличие от старой ярлыковой системы, все почтовые отправления по новой карточной системе будут экспедироваться без наклеивки на журналы ярлыков — адресов подписчиков. Вместо ярлыков выписывается карточка, которая пересылается в узловой почтовый пункт, а оттуда направляется в местное почтовое предприятие — по месту жительства подписчика. По этой карточке местное почтовое предприятие и доставляет подписчику на дом выписываемый им журнал.

Положительные стороны карточной системы экспедирования выражаются в сокращении процессов заделки и экспедирования, а отсюда — ускорение отправки изданий подписчикам. ПОЧТОВОЕ ВЕДОМСТВО НЕСЕТ ПОЛНУЮ МАТЕРИАЛЬНУЮ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ДОСТАВКУ ИЗДАНИЙ ПОДПИСЧИКАМ, чего не было при старой (ярлыковой) системе экспедирования.

Довода об этом до сведения подписчиков, Главная Контора Периодических Изданий Издательства „МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ“ просит в случае неполучения выписанных ими журналов НЕМЕДЛЕННО ОБРАЩАТЬСЯ С ЖАЛОБОЙ В МЕСТНОЕ ПОЧТОВОЕ ПРЕДПРИЯТИЕ, которое ОБЯЗАНО расследовать эту жалобу и, если недоставка произошла по его вине — НЕМЕДЛЕННО УДОВЛЕТВОРИТЬ претензии подписчика, наладив дальнейшую аккуратную доставку изданий.

Во избежание задержек в расследовании жалоб, рекомендуется подписчикам при подаче жалоб в местное почтовое предприятие приложить к ней копию квитанции (или заказа) в сдаче подписки или перевода денег за таковую.

ГЛАВНАЯ КОНТОРА ПЕРИОДИЧЕСКИХ ИЗДАНИЙ ИЗДАТЕЛЬСТВА
„МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ“

ДВУХНЕДЕЛЬНЫЙ
ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ
КОМСОМОЛЬСКИЙ ЖУРНАЛ

СМЕНА

ЦЕНТРАЛЬНОГО
И МОСКОВСКОГО
КОМИТЕТОВ ВЛКСМ.

РОМАНЫ, ПОВЕСТИ, РАССКАЗЫ.—ПУТЕШЕСТВИЯ И ПРИНЮЧЕНИЯ.—ЖИЗНЬ И БЫТ МОЛОДЕЖИ.—НАУКА И ТЕХНИКА.—
НИНО И ТЕАТР.—ФИЗИКУЛЬТУРА.—ШАХМАТЫ И ЗАДАЧИ

Редакция и контора: Москва, Новая пл., 6/8, тел. 1-61-01.

Подписная плата: 1 год—1 р. 80 к.; 6 мес.—95 к.; 3 мес.—50 к.; 1 мес.—18 к.

ИЗДАТЕЛЬСТВО „МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ“

№ 2

Я Н В А Р Ь

1928

ПОТОМОК ВЕНЕЦИАНСКОГО ДОЖА

Роман И. САРКИЗОВА-СЕРАЗИНИ.

Иллюстрации А. БРЕЯ

(Продолжение)

НЕ оставалось никакого сомнения, что судно спасалось бегством от сильного и быстрого противника. Исход сражения зависел от хода парусника, из исправности судового мотора, хладнокровия команды.

А борта крейсера все чаще, все поспешнее освещались вспышками оружейных выстрелов, и удачный снаряд мог сразу развернуть всю внутренность деревянных обшивок.

Я с ненавистью глядел на наш крейсер, на котором еще не закончились авральные работы и который медленно разворачивался в бухте. Только один батареи продолжал громить турок, не позволяя им приблизиться на близкое расстояние к слабому противнику — задорно бежавшей к городу шхуне. Вся толпа, залившая собою берег у волнореза с затаянным дыханием сидела за исходом боя.

— А, ведь это «Ринальдо»! — услышал я позади чьето восклицание, немедленно заглушенное хором многочисленных голосов.

Прошальный снаряд, пущенный повернувшимся в море врагом, точно бритвой срезал бизань на шхуне.

Я увидел, как судно подскочило в воздухе и судорожно рванулось вперед. Это был жуткий момент, за которым наступила минута общего тревожного ожидания. Шхуна медленно накренилась вправо, на ее мачтах замелькали проворные фигуры матросов, работавших на реях, и через несколько минут «Ринальдо» под марселями и брамселями гордо вошел в Феодосийскую бухту. На горизонте завязался бой между крейсерами.

4. Я ПОПАДАЮ В ТЮРЬМУ

Когда шхуна направилась к месту причала, вся толпа, уловив и меня, кинулась на территорию порта, предсудно оглушенную войсками. В одном месте у маленькой часовни, поставленной в честь постройки мола, напор был настолько силен, что отряд солдат отступил, не имея приказа пускаться в ход орудия.

Воспользовавшись общим замешательством, я по водосточной трубе взобрался на крышу портового амбара, где и спрятался, наблюдая за толпой, взятой, наконец, в приклады рассиревевшими солдатами, и за палубой «Ринальдо» отшаркивавшегося у мола.

Не скажу, чтобы искорененные мачты и шкафут шхуны особенно были приятны моим взорам!

В моем воображении всякое приключение было завуалировано красочной романтикой, а здесь на палубе лежали тела убитых, обрывки снастей и канатов, грязные нефтяные бочки, железные цепи.

Для меня не оставалось никакого сомнения, что шхуна «Ринальдо» была одним из тех немногочисленных судов, ко-

Содержание предыдущих глав. Врача одной из красноармейских дивизий, вступивших после разгрома Бранцея на Перекопе в Крым, зовут для срочной помощи раненому командиру отряда черноморских матросов — Труффину. После оказанной помощи командир рассказывает врачу историю своей жизни. Труффин — сын феодосийского рыбака — под влиянием рассказов соседей моряков о своих похождениях стремится поступить добровольцем во флот.

торые в минувшую войну контрактировались морскими властями для перевозки некоторых грузов и для снабжения военных наблюдательных постов предметами первой необходимости.

Эти суда имели замаскированные орудия и при случае топили неприятельские пароходы и парусные шхуны.

Наше беззастенчивое морское ведомство, в данном случае, шло по стопам германо-турок, не имевших достаточного количества крейсерских и перевозочных судов и вооруживших для этих целей не только отдельные парусники, но и свои крупные фрегаты.

Все это мне было известно, так как в наш порт неоднократно входили вооруженные шхуны.

Для меня было интересно другое обстоятельство. Мне было также известно, что команда на эти обреченные суда частью вербовалась из добровольцев, а частью пополнялась матросами военного флота, осужденными на казнь или каторгу, по законам военного времени.

Я в те минуты точно забыл про свой физический недостаток и бесспорно решил вступить в команду шхуны.

Я пригтовился к спуску и, поднявшись из своего укрытия, внезапно заметил устремленные на крышу глаза с палубы «Ринальдо».

На меня в упор глядел плотный среднего роста моряк, одетый в полувоенную флотскую форму, но без кюртки и эполет.

Моряк прохаживался по шкафуту и шурил свои глаза, продолжая следить за моими движениями и за тремя часовыми, которые, следуя направлению его взора, в свою очередь, стали глядеть на крышу.

Какое-то жадное любопытство, болезненное нетерпение мелькнуло в глазах моряка, и он даже оперся о поручня судового трапа и приготовился ожидать дальнейших событий.

В эту минуту лицо его потеряло значительную долю своей своеобразной красоты и было отвратительно жестоко.

— Слезай с крыши! — заорал белокрылый, тщедушный солдат, обращаясь ко мне, и щелкнул затвором винтовки.

Мне оставалось подчиниться приказу.

На меня остервенно накинулись солдаты, и один из них, ругаясь, поднял винтовку, широко развернулся, ударил меня.

— Ах, ты, хромая слепца, за тебя еще под суд ити!

Удар был настолько силен, что я пролетел несколько саженей и упал на каменные плиты мола в нескольких шагах от трапа шхуны.

Рассиревевший солдат, не опуская ружья, вторично подскочил ко мне с намерением ударить в грудь, но я, подвинувшись с земли, предупредил его. Возмущенный напавшим избиением, горя от стыда за оскорбление, нанесенное мне перед лицом команды судна, куда я решился поступить матросом, охваченный проснувшейся во мне слепой яростью, я сделал

прыжок вперед и своими цепкими руками ухватился за горло стоявшего, покрытого золотушными прыщами часового.

В этот момент мой слух уловил громкий смех и голос стоявшего у борта незнакома, доброжелательно советовавшего:

— Молодец, хромой! Ну, а теперь швырни его в море! Совет, как потом оказалось, принадлежал капитану Вилани-хозяину «Ринальдо». Избавившись жестокими прикладами винтовок и обливаясь кровью, текшей изо рта и головы, я в бесчувственном состоянии упал рядом с полуживым мною часовым.

5. Я ПОПАДАЮ НА «РИНАЛЬДО»

Воспоминания о прошлых днях точно вливали новые силы в молодые мускулы и в слабом еще голосе Труффина начали пропасть бодрые нотки.

— Чтобы понять вам дальнейшие подробности моего рассказа, доктор, я должен буду кратко охарактеризовать тогдашнее положение на черноморском театре военных действий. Это был период беззаконного хозяйничанья на море турецко-немецкого флота, обладавшего мощным крейсером «Гебен» и бистроходным «Бреслау». Обстрелы портов неуправляемыми судами неприятеля порождали слухи об измене, шпионах и среди населения, и среди тогдашнего состава. Эта болезнь шпиономании усиливалась с получением из вестей с сухопутного фронта, где предательство высших властей имело официальное подтверждение.

Когда я очнулся от побоев и пришел в себя, мне с первых же слов было предельно очевидно в шпионаже, в нападении на караул, в покушении на обезоружение и убийство часового при исполнении им служебных обязанностей в районе, объявленном на военном положении.

На третий день, утром, меня опять повели на допрос. В обширном зале полкового клуба у длинного обеденного стола сидели командант в чине полковника, один пехотный капитан и молодой поручик.

На меня молча уставились три пары рязчих глаз и в глубине их я читал не только недоверие ко мне, но и свой приговор.

— Что же ты признаешься в шпионаже? — задал мне вопрос командант.

— Я не шпион, я простой феодосийский рыбак, и меня знает весь город, — в сотый раз ответил я нервно. — Клянусь своей головой, я хотел поступить на шхуну и, как честный моряк, никогда не помышлял об ее гибели!

Поручик весь передернулся на стуле и менее официально поторопился спросить:

— Ты хочешь поступить на «Ринальдо»?

— Да! — тем же тоном отвечал я.

Впоследствии мне стало понятным смущение судей. Как я узнал потом, никто из моряков Феодосии не желал поступать на шхуну «Ринальдо». Одни — из-за жестокости капитана, другие — из-за рискованности службы. Три же человека, убитых в бою, и двое тяжело раненых, задерживали отход шхуны в море.

Полковник все еще недоверчиво покосился на меня.

— Что же тебя заставило стремиться на шхуну? На нее идти даже каторжники отказывались!

— Любовь к морю! — ответил я поспешно.

— Любовь к морю? — переспросил командант и на секунду задумался, потом резко повернулся ко мне и отчеканил: — Хорошо, мы твоё желание исполним! — и сделал конвоиным знак увести меня из комнаты.

На восьмой день моего пребывания в тюрьме в мою камеру вошли командант и трое одетых в форму моряков коммерческого флота.

Один из них, по внешности грек, подошел ко мне, внимательно осматривая меня с головы до ног, пощупал мускулы, вытянул укороченную ногу и разочарованно протянул:

— Хромой! На кой чорт нам эта калека!

Сердце мое сжалось от волнения, я стал уверять их, что являюсь прекрасным моряком и что вся моя жизнь прошла на море.

Я говорил поспешно, говорил убедительно, и меня не прерывали, все молча слушали мою возбужденную речь. Когда я умолк, второй из моряков, с коричневым монголоидным лицом, процедил сквозь зубы:

— Из него выйдет хороший галлюнчик! Возьмем, а там посмотрим...

Эй, ты, как тебя, собирайся на шхуну! — покровительственно приказал мне грек и наполовину отрубленным указательным пальцем ткнул в дверь.

Мне не нужно было вторично повторять этого приказа.

Нам не спеша открыли тяжелые ворота казари, и первый человек, которого я встретил на улице, был мой осунувшийся, одряхлевший отец.

Мы бросились друг к другу в объятия и так стояли, не двигаясь. Ни у меня, ни у него не слышалось никаких восклицаний от охватившей нас радости и волнения.

Это было наше последнее свидание. Я его больше не видел...

Я услышал хриплый голос одного из матросов и почувствовал тяжелый удар кулаком в спину.

— Эй, козья нога, кончай базар!

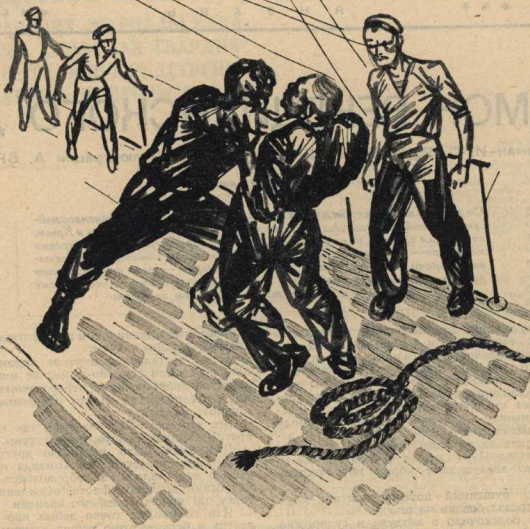
Скрепя сердце, я в последний раз крепко обнял отца и быстрыми шагами направился в гавань.

Когда мы прошли через щель солдат, охранявших порт, и направились к волнонару, я сразу заметил в глубине бухты шхуну, возле которой сустились матросы, солдаты, грузчики...

Немного на то, что судно было окрашено в серый цвет, я узнал «Ринальдо». Шхуна представляла собою: стройное судно, имевшее около 200 футов длины и 30 футов ширины.

И я с жадным любопытством глядел на лихорадочную работу, кипевшую по всей палубе, и с радостью вслушивался в производительный визг пилы, стуки топоров и грохот рубанков.

1) Уборщик на морских судах.

... я все сильнее и сильнее сжимал свои пальцы...

Чем ближе мы подходили к судну, тем очевиднее становилось мне, что шхуна готовилась к отплытию и ждала приказа поднять якорь.

Палубный крик и беспорядочная ругань действовали на меня подобно возбуждающему наркотику, и я, еще не вступив на борт шхуны, хмелел от запаха смолы, брани матросов, пронзительного плача чаек. Вся моя недавняя жизнь осталась за кордоном солдат, оцепивших пристань. Там остался отец, там осталась и беспечность юношеских лет.

Все это я почувствовал, как только мои ноги коснулись палубы. Страх за свою судьбу против воли тревогой заполнил сердце, и я, помню, сделал инстинктивное движение — повернуть обратно на берег.

Это было невольное движение, но этот случайный жест моего колесания мои конвоиры приняли за попытку к бегству и кинулись на меня с жестокостью.

От удара, пришедшего мне в грудь, я с размаху налетел на матроса, оказавшегося боцманом шхуны. Отскочив от моего толчка на несколько шагов в сторону и не разобравшись в причинах неожиданного на него нападения, он отшатнулся, осклабил рот, и тяжелый удар кулаком пришелся мне между глазами. Я сразу почувствовал, как теплая кровь окрасила лицо. Матчи шхуны взметнулись к небу, и темные круги замелькали перед глазами.

Я зашатался и прислонился к борту судна. В эти минуты я почувствовал, что меня покидает разум. Какая-то сила овладела мною и напрягла мускулы моих рук. Испуг, разочарование, несущественное оскорбление, физическая боль вызвали во мне безумную вспышку гнева, и я, как и неделю тому назад при стычке с солдатами, кинулся на неожиданного нападения боцмана и впился ему в горло.

Неожиданность моего прыжка не дала возможности присутствующим матросам предупредить нападение.

Растерявшийся боцман не мог оторвать мои судорожно сжимавшиеся пальцы от своей шеи, и я слышал, как он захлебывался и хрипел, тяжело вдыхая воздух.

Я все сильнее и сильнее сжимал свои пальцы вокруг потной боцманской шеи и вдруг почувствовал, что поднимаюсь на воздух, а затем падаю на палубу.

Капитан шхуны склонился над лежавшим на палубе боцманом и глядя на меня сирепыми глазами.

— Я тебя научу дисциплине! — прокричал он сквозь зубы и бросил в меня обрывок цепи.

Удар пришелся в висок, и я лишился сознания.

Когда я очнулся, то увидел над собой черный свод неба. Опираясь руками об обшивку бортов, я поднялся во весь рост, но, не устояв на ногах, с протяжным стоном упал на палубу.

Из-за грот-мачты показалась чья-то тень, и я услышала шопот: — Лежи спокойно! Сюда идет боцман!

— Дай мне воды! — умоляюще прохрипел я в ответ и открыв глаза, освещенные карманным электрическим фонарем, увидел улыбку, обнажившую челюсть, усанную гнилыми зубами.

— Ты захотел воды, хромой дьявол, я тебя напою, будь покорен!

Боцман с силой ударил меня в бок и скрылся в направлении юга.

Через несколько минут я услышал мерное поскрипывание якорной цепи и топот босых ног.

«Ринальд» с оголенными мачтами, шумя мотором, медленно скользнул к выходу из бухты и с увеличивающейся скоростью удалялся в море.

6. НТО ТАКОЙ ШКИПЕР ШХУНЫ?

Из-за густого мрака ночной мглы нельзя было видеть людей, но по окрикам, гневной брани, властным приказаниям, я узнал, что выходом шхуны в море руководил шкипер.

Позвольте отвлечься и нарисовать вам, доктор, облик человека, с которым судьба связала меня странными узами родства и принесла страдание.

Если бы мне был задан вопрос — сохранились ли у нас в России лихие морские старшего типа, морские волки, или, как выражаются, победители бурь, я мог бы утвердительно сказать, что, да, сохранились, но постепенно вымирают, и что этих моряков еще недавно можно было найти среди черноморского парусного флота.

Одним из таких бесшабашных моряков, смеялся до безумия, до неспитной отваги, был шкипер Виллани.

Шкипера знало все побережье Черного и Азовского морей еще до войны, и к действительным фактам его богатой приключениями морской и личной жизни примешивалась масса вымысла.

Кем же по своей национальности был Виллани?

Одни утверждают, что он грек, другие — румын, третьи — украинец...

И те и другие ошибались, и те и другие не подозревали, что этот человек, с холодным взором, сохранивший тонкие классические черты гомановской нации, был не кто иной, как потомок венецианского дожа Николао да Понте. Это был потомок хищников-кондотьеров¹⁾, которые, как коршуны, сатались на берега Крыма с согласия турецких султанов и пытались возродить коммерческую славу царицы Адриатики — Венеции.

Я сам, в своих руках, держал истинные от времени бумаги и пергаментные свитки предков этого капитана, где излагалась история рода Виллани. Я в его каюте видел портрет знаменитого дожа, высокомерного седого старца.

Они были «победителями бурь», разбойниками морских дорог, грабителями побережий, угнетателями колониальных народов. Их отдаленный потомок, их ядовитый змеиный из рода Виллани, превратившийся в Виллани, сохранил все родовые черты средневековых предателей, убийц, интриганов, авантюристов.

Если бы я был знаком с учеными всего мира, изучающими законы наследственности, я бы указал им на этого человека, который самым блестящим образом подтвердил бы их выводы.

Иосиф Доминикович Вилланов, так звали шкипера, родился в Феодосии. Уже потом, когда я покинул его корабль, когда я начал собирать сведения о нем, я узнал, что шкипер учился в местной мореходной школе, а потом уехал в плавание вокруг света.

К этому времени относится его связь с бесследно исчезнувшей дочерью городского судьи, от которой остался месячный ребенок.

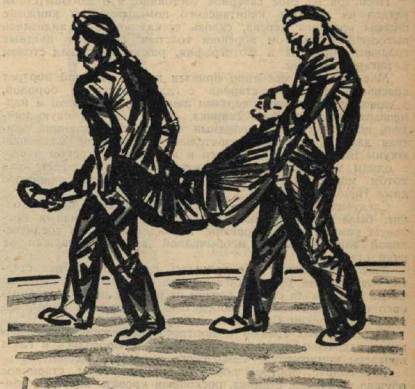
После многолетней отлучки за пределы крымских берегов шкипер приехал в Феодосию на шхуне «Ворож», которую потом обменял на «Ринальд», с командой, набранной из притонов Одессы, Севастополя и Батума.

С первого же рейса новой шхуны имя Виллани не сходило с уст моряков восточного Крыма.

Не было контрабандиста смелее потомка дожа!

Каждый год плавание «Ринальда» сопровождалась «случайными» жертвами из числа команды, а жестокость, проявляемая им к людям, превосходила человеческое понимание.

Все покрывала всемогущая сила золота, продажность властей, которыми нельзя было жаловаться, и страх перед, ножом ночного убийцы!

Помню я, как несли меня оба шкиперские помощника...

Уже в то время по каботажным портам, среди рыбаков и моряков торгового флота упорно шептались, что шхуна «Ринальд» занимается пиратством и нападает в море на возвращающиеся в Анатолию из Крыма фелюги турок.

Он в плен никого не брал, в чем я убедился позднее, но и не отпускал пленных на волю.

1) Кондотьер — начальник наемного войска в Италии времён Возрождения

Этот человек не гнался за победой ради славы, а бился на смерть с врагами, боясь не за ненастной и неутолимой жажды видеть вокруг себя одну смерть и один разрушения. И вот в руки этого человека, видоизмененного авантюриста пятидесятилетнего столетия — в руки хищного стервятника, сохранившего яркие черты своих знатных предков, судьба вручила меня.

7. ПЕРВОЕ ЗНАКОМСТВО С ВИЛЛАНИ

Я продолжал находиться в полубезылии. Несколько часов неподвижного лежания вернули мне силы, и я, хотя с трудом, воприсел на тросы.

Несколько человек из команды, работавшей на палубе, направилась в мою сторону. Они стучали молотками, тянули канаты, связывали боченки, проверяли таали.

Поравнявшись со мною, один из экипажной команды быстро замахнул рукою, и к моим ногам упала фляжка с булькающей жидкостью.

— Пей и не бойся! — вторично послышался знакомый голос. — Моя фамилия Петин. Я бывший командор с «Кагула», смертник, временно присланный на шхуну. Будь осторожен и не падай духом!

Матрос, поставив молоток, пошел дальше, а я с жадностью прихлебнул к фляжке.

Вы, доктор, его видели! Это он привез вас сюда! О, — если бы вы знали, что это за человек?

В жуткие минуты моего одиночества, когда я был охвачен одним отчаянием, Петин явился во-время, чтобы вдохнуть в меня силы и веру в будущее.

— Эй, ты, оставь! — грубая мокая рука коснулась моей головы. — Вставай, капитан требует! — настойчиво закричала резкая голос.

Я сделал движение встать с тросов, но толчок зарывшейся в волну шхуны сбил меня с ног, и я поклялся на палубе.

— И чего ты лез на шхуну, хромая дохлятина! — презрительно ругнулся все тот же матрос убедившись, что собственными силами я не в состоянии итти, и схватив сильной рукой меня за талию, поднял на воздух и, как ребенка, понес.

У полуоткрытых дверей обширной каюты он оставил меня одного и повернулся обратно.

Я лежал у порога богато убранной комнаты и от усиленного слабости не мог подняться. Небольшая группа людей, выдвигавшаяся в глубине каюты, оживленно беседовала между собой.

Несмотря на свое скверное состояние, я с любопытством глядел на роскошь капитанского помещения, на книжные шкафы красного дерева, сквозь стекла которых виднелись вытесненные золотом корешки толстых книг, на цветные гравюры, портреты и фотографии, развешенные над столом и мягким диваном.

Мое внимание особенно привлек к себе поясной портрет красного столетнего старика с длинной седой бородой, с удивительно тонкими чертами лица, длинным носом и надменными глазами. Лицо старика, одетого в парчевую мантию, посадка головы, холодный взгляд, произзывающий зрителя даже с картины, удивительно напоминали владельца шхуны Виллани, беседовавшего в это время с греком и еще с одним маленького роста человеком. Этот портрет, как потом мне стало известно, и изображал венцианского дожа Николо да Понте.

Следующим предметом, обратившим на себя мое внимание, была старинная цветная гравюра, вставленная в ореховую раму. На этой гравюре я увидел сцену из средневековой жизни — смерть необычайной красоты девушки от руки старика.

Уже впоследствии мне пришлось прочитать на ней стертые от времени буквы, объяснявшие сюжет этой картины. Сцена изображала смерть дочери от руки ее отца, благородного и могущественного победителя генуэзцев и Кафы, адмирала Джованни Соррано.

Среди других гравюр и портретов, висевших между толстыми задранными миллионаторами, мне бросились в глаза портреты композитора Чайковского и поэта Надсона.

Как видите, доктор, портреты, книги, ковры, старинное оружие на стенах, скрипка, роскошная кровать вместо скромной койки — мало напоминали шкиперскую торговую корабля, а скорее кабинет представителя литературы и искусства.

Попыткам встать на ноги я обратил на себя внимание шкипера и услышал повелительный крик и звук удара кулаком по столу.

— Вставай! — кричал резкий голос.

В беспомощных усилиях, повиновшись приказанию, я вновь скатывался за дверь...

— Вставай, когда с тобой говорит капитан! — взбешенно крикнул вторично Виллани.

При свете качавшейся над столом лампы, я увидел красивые кровью глаза, хищный нос и полуоткрытый рот, с красивыми ровными зубами.

— Не подчиняться?.. у меня на шхуне бунтовать?.. душище бошана?.. Я тебя научу дисциплине!..

До того бывший совершенно спокойным, разговаривавший ровным голосом с греком, Виллани вдруг превратился в бешеную собаку и подошел ко мне, подывая для удара кулак.

Грек и обросший волосами неизвестный мне моряк — оба, как оказалось потом, помощники шкипера — равнодушно глядели на нас и не прерывали своей беседы друг с другом.

Я, наконец, с большим трудом встал на колени, затем с удорожными усилиями воли и нечеловеческого напряжения поднялся на обе ноги и вытнул во весь рост перед шкипером, придерживаясь за косык двери.

Яркий свет лампы, падавший на меня, осветил мою разорванную, испачканную кровью рубаху, продолжавшую на виске сочиться рану и мои глаза, горевшие протестующим негодованием.

По мере того, как я выдерживал его сверлящий грозный взгляд, я видел, как недоумовоюще-удивленно приподнимались волосатые брови над орлиным носом, как медленно спрыгали его рука в карман брюк и метавшие молния глаза потухли, а лицо скривилось в презрительную гримасу.

— Христос... Кащика! — крикнул он греку. — Да что же это такое? Где же были у тебя глаза, когда ты вялел его на шхуну?..

Грек со смущенным видом нагнулся через стол и почти-теперь ответил:

— Нам недостает гальюнщика, и коку нужен помощник. Парень, несмотря на то, что он хромой, кажется, сильный. Он сам просился на шхуну!

При последних словах шкипер вновь взглянул на меня, и его тонкие алые губы изображали нечто в роде улыбки.

— От веревки спасался... но шхуна — не богадельня... Списать его на берег в Батуме!

Я понял, что явная опасность избегания и насмешек на этот раз миновала, и, собрав остатки своих сил, смело обратился к капитану:

Капитан, я стремился поступить к вам в первый же день прихода шхуны в Феодосию. Солдаты избили меня в присутствии вас и судовой команды, а затем меня обвинили в измене и присудили к смерти. Я не такой калека, чтобы не быть в состоянии справиться с работой матроса парусного корабля, в этом вы сами убедитесь. Но, капитан, прикажите меня сейчас же выбросить в море, убейте меня, но только не оскорбляйте и не унижайте меня!

Мой первый дождь надломил мои силы, и я в полубомическом состоянии, падая на ковер, устилающий пол каюты, успел услышать:

— Кащика, и ты, Ардеменко, снесите его в кубрик... Пошлите кока перевязать раны... выдать одежду!

— Точно сквозь сон, помню я, как несли меня оба шкиперские помощника по палубе и с трудом удерживали на нотах от толчков залетавшей на крысочку волны шхуны.

8. НА ШХУНЕ НАХОДЯТСЯ ДРУЗЬЯ

После роскоши капитанской каюты матросский кубрик показался мне грязным и бедным логовищем городских трущоб.

Очень часто, сверху, через люк, слышался хриплый голос бошана.

— Пошел ризы брать!

Тогда устала команда нехотя шла на палубу.

Крик бошана раздавался все чаще и чаще, и в кубрике слышались бьющие удары сапог о палубу судна и восклицания матросов.

Я продолжал лежать на своей койке и медленно засыпал под скрип судовых переборок и бимсов.

Под утро в пустой кубрик спустился бошан.

Он взглянул на меня усталыми, злыми глазами и, быстро оглянувшись кругом, поднял волосатый кулак над моей головой.

Я громко закричал и приподнялся на койке. Широкоплечая фигура, в алмажной экировке, встала между нами.

— Бошан, не смей трогать парня! — крикнула она взбешенному врагу и презрительно добавила, обращаясь к остальным: — Только трупы нападают на большого из-за угла!

Бошан выпрямился и гневно взглянул на спокойно стоявшего перед ним моего защитника.

— Я тебе, которичин, это вспомню! — прошипела горилла.

Я с чувством живой благодарности взглянул на матроса.

Этот случай явился началом дружбы между мной и Петиним, — дружбы, которая потом была спаяна боевой обстановкой на фронте и которая в то время явилась для меня поддержкой в кошмарной жизни на «Ринальдо».

Матросы, свидетели столкновения Петина с боцманом, переглядывались друг с другом, и один из них, конвоировавший меня на шхуну и принимавший участие в моем избитии, захихикал.

— Смори, ой, смори, защитник слепых и хромых, не прищипывай же тебе на закуску рыбам пойти! Второго хромого все равно боцман утопит в море!

Петин угрожающе оглядел кубрик.

Уставшие люди не выражали никакого желания ругаться. Даже матрос с грубым, рыбьим лицом, произнесший эти слова, отвернулся от нас, положил голову на стол и через минуту засопел носом.

Мой новый друг рассказав мне историю своей жизни.

До тех пор я и не подозревал, что существуют определенные исторические законы, классовые взаимоотношения, борьба людей за право лучшей жизни, протесты и смерть, героизм и подлость.

Эта беседа была началом моего стремления к самообразованию, к знаниям, которое заставило меня перечитать множество книг по вопросам политики, науки, искусства.

Когда ко мне вернулись силы и я вышел на палубу, стоял чудный летний день, и море было спокойное.

Шхуна ходко шла вперед узлом по семь в час, вдоль кавказских берегов. Двухдневный шторм отбросил нас далеко от берегов Крыма.

Команда уверенно и ловко работала на мачтах. На палубе стоял шкиперский помощник Кацка и распоряжался работой команды, а за гротом рулялся боцман.

Не зная, что мне делать на шхуне, и чувствуя себя еще неспособным на какую-нибудь тяжелую работу, я направился к замаскированной пушке, около которой стоял Петин.

Мой новый друг, увидев меня, очень обрадовался.

Тобя назначили тальюшником, но ты этим не смущайся, — сказал он успокоительно.

Мы все до твоего прихода на шхуну по очереди исполняли эту работу. Затем ты будешь убирать капитанскую каюту, матросский кубрик и помогать коку. Работы для тебя хватит.

Коком у нас грузин Чиковани. Добрый человек! Прислан к нам за политику. Есть еще один человек, которого ты не должен бояться — это судовой механик Филиппов. Он смертник с линейного корабля «Ростислав», пишет стихи и научает эсперанто. Остальные все — рыань, торговая шпана, каторжане.

Кто же из честных людей пойдет сюда на службу!

По палубе быстро приближался к нам грузная боцманская фигура.

— Ты что это стоишь без дела? На даровые харчи приехал, бездельник! — заорал он на меня своим осипшим от постоянного крика голосом. — Пошел на ют палубу мыть, да зайдя к капитану!

Когда я взбирался по трапу на ют, мне послышались звуки скрипки.

Пораженный этим обстоятельством, я осторожно подошел к полуоткрытому люку откуда неслась мелодия незнакомых мне напевов, и заглянул в каюту. На мягком ковре шкиперской стоял капитан и, прижимая скрипку к левому

плечу, с увлечением раскачивался в такт мелодии и порывисто водил смычком по струнам.

Я удивился внезапной перемене, изменившей все лицо шкипера. Сквозь маску жестокой окаянности, которая поразила меня еще при первой с ним встрече, проглядывала теплота необыкновенной внутренней сердечности. Виллани был в каком-то полубабыти, и отдаленные видения, навеянные музыкой, смягчали стальной блеск холодных глаз.

Чем объяснить такое превращение, такое внешнее видоизменение этого латентного негодяя?

Когда я вспомнил много лет спустя этот день у берегов Кавказа и капитана в необыкновенном для него виде, я задумывался над причинами этого явления.

Что представляла собою Венеция средних веков — патриция Ариатики? Что представляли собою ее патриции, хитники тогдашнего капитализма — правители колониальных земель, смелые авантюристы? Это были люди, любившие искусство: живопись, поэзию, музыку, скульптуру. И это было естественно! Голубое неоплатическое небо, красота города, одаренность венецианцев, романтика полноводных и могущественных близлежащих причиняли им обаяние венецианцев, а в красоте. Тяготение к искусству не могли парализовать ни обильно лившаяся кровь, ни узаконенная жестокость, ни ужасы человеконенавистничества... В те минуты я глядел на человека, у которого властно пробуждалось влияние наследственной завскаси, сохранившей еще силу венецианской культуры.

Скрипка умолкла, и капитан снял ее с козырька футляра, висевшего над диваном каюты.

Войдя в каюту, я вновь увидел надменное лицо шкипера, его жестокий холодный взор и сжатые углы тонких губ.

— Что тебе надо? — грубо спросил шкипер.

— Согласно приказа боцмана, я пришел по вашему требованию! — ответил я в полупоклоном и вытянул руки по швам.

— Как твоя фамилия? — спросил шкипер.

— Труффин, капитан!

— Труффин? — повторил он. — Ты где родился?

— В Феодосии, капитан! Мой отец — рыбак...

— Передай Артеменко, чтобы тебя одели! Уборка по утрам Ступай! — неожиданно закончил разговор Виллани.

С этого дня началась моя служба на шхуне «Ринальдо».

К восьми часам утра я стоял у двери капитанской каюты.

Шкипер выходил на палубу, а я вытряхивал ковры, вытирал книжные шкафы, картины, скрипичный футляр и накрывал на стол.

С этого дня Чай и обед подавал пожилой матрос, второй командор шхуны, прозванный за свой высокий рост «цапелем». Этот моряк пользовался особым доверием Виллани, большим, чем его помощники.

После уборки шкиперской каюты я отправлялся к коку и принимался за чистку картошки, овощей и мытье посуды.

Вечерами я спускался в моторную, где стоял двигатель, и присматривался к работе машины. Филиппов усаживал меня на пахнущую нефтью скамейку и под стук мотора увлекательно рассказывал про свои путешествия по всему земному шару.

Виллани был в каком-то полубабыти...

СЛОН ПОМНИТ

Рассказ ЭДИССОНА МАРШАЛА,
перевод с англ. П. ОХРИМЕНКО
Иллюстрации В. Д.

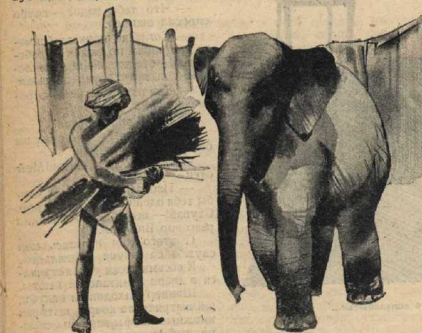
1

«Слон стар уже в первый день своего рождения», говорят туземцы Бирмы, и бедный человек, наверно, никогда не поймет, что они под этим подразумевают. Быть может, они имеют в виду его розовую старческую кожу и его смешные, неуловимые движения, и его пискливый, дрожащий голос. Или, быть может, они подразумевают под этим, что родится он на свет с мудростью, свойственной лишь пожилому возрасту. И это с уверенностью, свойственной лишь пожилому возрасту. И это с уверенностью: если есть в мире животное, имевшее богатую возможность приобрести познания, то это прежде всего можно сказать о слоне, ибо порода слонов — самая древняя порода животных на земле.

Слон настолько древнее животное, что его как-будто даже странно видеть в наше время. Его длинный хобот, его огромные размеры говорят о далеком прошлом. Он представляет собою остаток породы животных, которая когда-то господствовала в мире.

Давно, очень давно, когда мир был еще молод, когда только что произошло образование гор, и еще не было лесников, сползших впоследствии с гор на равнины и принесших с собой холод, слоны были владыками на земле. Но поистине они были побеждены в борьбе за существование. Их великие соборы, мастодонты и мамонты, совершенно исчезли, а они сами в настоящее время исчисляются всего несколькими тысячами.

Но благодаря тому, что они с незапамятных времен живут на земле, они обладают богатым опытом, которого не знают

... Мудтах мычал что-то ему в ответ

ни одно из животных, они кажутся какими-то почтенными мудрецами, живущими в мире детей. Они подобны последним ветеранам далекой войны, сохранившим воспоминания о давно забытых лицах и событиях.

В отдаленной области Британской Индии, в дикой провинции Бирмы родился Мудтах.

Мало осталось таких мест в мире, где бы слон, находясь в неволе мог слышать при рождении крики своих братьев, живущих на свободе в джунглях. Место рождения

Мудтах находится в устье Бенгальского залива, неподалеку от истока реки Иравати, на севере от с. Явы. Это очень дикая и мрачная местность, не поддающаяся описанию. Она покрыта огромными непроходимыми лесами, по ней лениво катят свои воды неизвестные реки, мрачные безмолвные джунгли тянутся на огромное пространство.

Маленький Мудтах весил ровно двести фунтов при рождении. Но в это еще было ничего удивительного. Слонята обычно имеющие при рождении не больше ста восьмидесяти фунтов, нередко достигают и двухсот. Удивительно было то, что обнаружилось лишь впоследствии.

Когда махута¹⁾ разбудил родовых крики слонихи, он воскликнул, обращаясь к своей жене: — Фан! Приходилось тебе слышать, чтобы слониха кричала так громко при родах? Малыш, которого завтра ты увидишь у нее под брюхом, наверно весит больше тебя.

Это был далеко не обидный комплимент его полной жене. Женщины Бирмы нравятся быть полной. Махута начал раздвигать голову, чтобы быть полной. Махута начал раздвигать голову, чтобы быть полной. Махута начал раздвигать голову, чтобы быть полной.

Махута знал каждого слона от головы до хвоста и был прекрасным знаком со всеми тремя видами, составляющими эту породу. Наименее ценным типом из этой породы является Миерга — легкий, тонкокожий слон, с маленькой головой, слабым хоботом и весьма ограниченным разумом. Этот вид встречается почти в каждом слоновьем стаде. Представители этого вида часто рождаются на свет от лучших, породистых родителей и являются для людей, разводящих слонов, такой же загадкой, как для свиноводов — свиноматки с острой спиной. Затем идет второй вид Дасаала, состоящий из огромного большинства всякого стада, — хороший сильный, разумный тип слона. Но третий вид, Куинрия, лучше всех; и когда в стаде, находящемся в неволе, родится слоненок этого типа, его появление на свет встречается общей радостью. Это совершеннейший тип слона — типичный, пропорционально сложенный, доверчивый и бесстрашный — вождем среди слонов.

Махута бросился к загону, ибо он знал, что роды окончились, — крики матери замолкли. Мрачные, дикие джунгли окружали его со всех сторон. Неприятная тишина царила вокруг. Но вдруг, когда он стоял у загона, подняв высоко над головой горящую головню, джунгли огласились призывным ревом слона.

Он удивленно повернул голову. Жители Бирмы и особенно те, кто занимается охотой на слонов в джунглях, страшно суеверны; и махуту невольно представилось, что этот дикий, призывный рев имеет какой-то скрытый смысл, поскольку он прозвучал так громко, торжественно и длительно. Он был так похож на знаменитый слоновий салют, которым при некоторых обстоятельствах эти огромные животные выражают свои чувства.

— Вы приветствуете этого малыша? — воскликнул махута. — Но ведь он не такой как вы, не дикий. Он родился не в джунглях, а в загоне, где будете и вы после следующей охоты.

Дикие слоны затрубили опять, как бы в насмешку над его словами. Великая сила дана им для того, чтобы господствовать в джунглях, а не для того, чтобы таскать на себе огромные бревна и цепи.

Махута повернулся лицом к загону и еще выше поднял горящую головню.

Да, этот маленький слоненок, несомненно, был породы Куинрия. Трудно было представить себе более совершенного слоненка. В глазах махута вспыхнул огонек алчности. Поднес головню еще ближе к слоненку, так что свет от нее заиграл в его глазах и на нежной шерсти его спины, махута присел на корточки и на минуту затаял дыхание, боясь, чтобы боги, видя его радость, от зависти не обратили добро в зло.

Нежная шерстка не была темно-розовой, как это обычно бывает у слонят. Она была определено светлая — лишь чуть темнее обычного белого цвета.

Слонолов сразу сообразил что это значит. Среди слонов, как и среди других животных, иногда рождается альбинос. Совершенно белого слона, до недавнего времени, еще никто не видал, но в очень редких случаях рождается слоны с очень светлой или чуть темной шерстью. Такие слоны покупаются по баснословным ценам малайскими и сиамскими принцами,

1) Этот рассказ получил в Америке первую премию имени О. Генри.

1) Махута — надсмотрщик, погонщик.

для которых белый слон — величайшее сокровище, каким только может обладать принц.

Муттах был далеко не албинос, но его кожа была определено беловатого цвета. И слоновов прекрасно понимал, что завтра саиб Данг заплатит ему столько, сколько ему не заработать и за всю жизнь, за этого маленького, еле держащегося на ногах слоненка.

II

Детство маленького Муттах (что на бирманском наречии означает «белая гора») совсем не было радостным. В его крови жила воспоминание о роскошных, девственных лесах джунглей, и жизнь в темном загоне казалась ему скучной и тигстой.

У него не было никаких развлечений; он только и знал, что сосал свою здоровенную, сильную матку да невесело бродил по загону. Он был куплен на второй же день после своего рождения саибом Дуганом, позаботившимся о том, чтобы слоненок не подвергался риску, какому обычно подвергается слонята. Его мать никогда не брала в джунгли охотиться на слонов. И ему поэтому не пришлось вкусить от этого страшно захватывающего спорта. Слониха почти все время находилась в загоне, на цепи, и каждый день Лангур Дасс, бедный парий, находившийся в услужении у саиба Дугана, косил для нее траву в соседних долинах.

Второй год жизни Муттах прошел лучше. Он уже достиг такого возраста, когда он мог лакомиться травой и молодым сахарным тростником, но это все-таки не могло заменить ему той радости, какую он мог бы испытать, живя на свободе, в джунглях, бегая среди поросших зеленой хвоей холмов и долин. Он часами смотрел на красноватые верхушки холмов, видневшиеся на фоне ясного неба, и в его маленьких, черных глазах вспыхивал огонек. Он видел, как над этими холмами приносились грозные бури, как джунгли омывали теплые ливни, и в нем пробуждались какие-то сильные странные желания, которые были ему и непонятны и неосуществимы. Он видел, как от земли, от бесчисленных переплетавшихся между собой растений поднимались теплые туманы, и он начинал беспокоиться и почесывался, когда приятная влажность тумана касалась его кожи. И часто, когда из земли спускался таинственная бирманская ночь, ему казалось, что он умирает от тоски. До него доносились бесчисленные звуки таинственной ночи и отдаленные крики слонов в джунглях.

— О, мой беспокойный малыш, — говорил Лангур Дасс, — у тебя и у твоей старой матери, и у меня — одно сердце. Мы знаем, как оно горит, мы понимаем это чувство, мы — трое.

Это было верно, — Лангур Дасс знал все обычая и навыки лесных обитателей больше, чем кто бы то ни было из туземцев, находившихся в лагере. Но он принадлежал к самой низкой касте, был беззаботен и ленив, любил выпить, и слоновов относился к нему с презрением. Они прозвали его «Лангур — порода седобородых обезьян, живущих по склонам Гималайских гор, — они считали, что над ним тяготеет проклятие злых духов, ибо не станет здравомыслящий человек говорить о каких-то «справках слонов». Он отказывался принимать участие в охоте, что, конечно, было в высшей степени странно и необычно для человека, выросшего в джунглях. Наверно он трус, думали слонововы, но в то же время они припоминали один случай, когда на их лагерь, разбитый в бамбуковой роще, напал огромный дикий буйвол, и когда Лангур Дасс показал себя так, словно он не только не знал страха, но никогда и не слышал о нем.

Однажды они решили расспросить его.

— Скажи нам, Лангур Дасс, — издевались они над этим оборванническим жалким парием, — ты родня обезьянам? И кто лучше знает джунгли — ты или они? Никто ведь, кроме тебя и обезьян, не умеет разговаривать со слонами. Хай! Мы видели, как ты разговаривала со слоном, Лангур Дасс. Почему же ты боишься ездить с нами на охоту?

Лангур долго смотрел на них, не говоря ни слова. Наконечен, он сказал:

— Разве вы забыли сказки, которые рассказывали вам матери, когда вы были еще сосунами? — спросил он. — Слоны рождаются в джунглях. А вы произошли от горпиков и тростника, которым кроют хижины. Разве вы можете понимать их?

С точки зрения слоновов это было ересью. Среди них существует древняя легенда, что люди когда-то были подчинены слонам. И тем не менее большинство слонов, с которыми эти люди приходилось иметь дело, спокойно сносили неволю и были довольны своей судьбой. Они любили своих погонщиков, охотно подставляли свои спины, когда на них клали брешь, и всегда с радостью принимали участие в охоте на подобных себе. И только в известные ночи

в году, когда джунгли оглашались громким призывным ревом слонов, в них пробуждалась тоска по воле.

Но Муттах с первого дня своей жизни составлял исключение. Он мало интересовался теминокими мальчиками и девочками, игравшими около загона. Он стоял на одном месте и глядел поверх их голов в дику, темную чащу джунглей, которых никогда не поймет никто из людей. И, будучи только дикими животными, он не понимал, что существуют касты и деления среди окружающих его людей, но один из этих людей, жалкий парий Лангур Дасс, оборванный, грязный и всеми презираемый, казался пробуждал в его одиноком сердце какое-то чувство.

Они даже часто и подолгу как бы разговаривали друг с другом. Лангур Дасс говорил, Муттах мычал что-то ему в ответ.

— Мой малыш, мой жирный парияшка, — говорил Лангур Дасс, — может ли скала мешать росту дерева? Могут ли железные цепи помешать принцу стать королем? Муттах — тоже сердце говорит твоими безмолвными, сонными глазами. Имей терпение — твоего знания никто не отнимет у тебя.

Махуты и слонововы поражались, с какой быстротой маленький Муттах вырастал и накапливал силу. В три года он весил на двести фунтов больше любого слоненка в лагере, родившегося в одном с ним сезоне. И, конечно, три года для слона, не больше, чем три года для человека.

— Неужели тебе никогда не придется лежать весь день в приятной прохладе болотистой грязи, мой малыш? Не придется слышать рев бури в горах? Не придется подставлять свое тело тепловому дождю, льющему с неба сквозь густые ветви деревьев? Или все это живет в тебе с первого дня рождения твоего, и никакая неволя не заглушит в тебе этого?

Так спрашивал Лангур Дасс.

— Я думаю, ты уже знаешь, как спешит убежать тигр, заслышав рев твоих братьев, как трещит чаща и валяются деревья, когда они проходят в джунглях. Неужели связка сахарного тростника — достаточная награда для тебя, Кумиря? Неужели ты полюбишь пурпурные одеяния и блестящие побрякушки? Неужели ты согласишься, чтобы какой-нибудь ожеревный раджа сделал тебя вьючным животным? Скажи мне, Муттах, сын великой породы.

И Муттах отвечал ему по своему, не произнося ни звука, но выражая всем своим поведением любовь к своему другу, любовь настолько же большую, как велико сердце слона.

Но детская привязанность и материнская любовь связывают животных не менее, чем людей, и возможно, что Муттах вполне оправдал бы надежды саиба Дугана, которые тот возлагал на него, если бы сам саиб не сделал одной большой ошибки.

На девятом году жизни Муттах саиб Дуган продал мать Муттах одному слоновому племени из дальней провинции. Маленький Мацхат долго смотрел вслед матери, когда она под охраной двух огромных самцов уходила от него по дороге, пока не скрылась на голубом горизонте неба.

... Тихо и осторожно вошел в первозданную чащу леса

— Смотри в оба сегодня ночью за Муттахом, — сказал саиб Дуган своему махуту. И сам осмотрел веревки, чтобы убедиться, что молодой слон был надежно привязан к порою. Веревки из конского волоса, которые, казалось, не могли никакому взрослому слону прочно опутывать девятилетнего Муттах.

(Продолжение следует).

Фото № 1

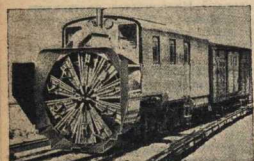

Фото № 2

Фото № 3

Фото № 4

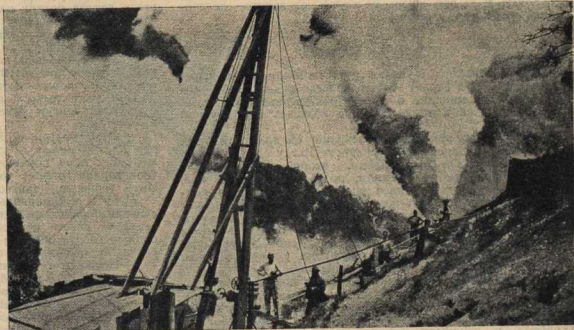

Фото № 5

В БОРЬБЕ СО СНЕГОМ

(Фото №№ 1 и 2)

Снежные заносы на железных дорогах — в особенности, в гористых районах — заставили французов в последнее время прибегнуть к новой конструкции снегоочистителя, работающего при помощи электричества. В передней части такого снегоочистителя помещается турбина с 10 режущими лопастями. Пущенная в ход, она сдвигает на своем пути сугробы до 3 метров вышиной. Огромный снежный фонтан от ее «дыхания» достигает вершин самых высоких деревьев.

ДВОЕ НА ОДНОМ ВЕЛОСИПЕДЕ

(Фото № 3)

Это не обычный, всем нам знакомый велосипед с двумя сиденьями, расцараженными одно за другим. Описываемая машина — изобретение некоего Шарля Боньоля — отличается тем удобством, что сидла находятся рядом, по обе стороны рамы, и сидки могут свободно беседовать между собой. У каждого — свой руль и свои педали, но один из рулей служит только для подпора. Сидла можно поднимать и опускать каждое в отдельности. Если один из сидков немного тяжелее другого, то его систему можно придвинуть к раме настолько, чтобы установить равновесие. При желании такой двойной велосипед легко превратить в обыкновенный.

ПОДЗЕМНЫЙ ОГОНЬ СЛУЖБЕ У ЧЕЛОВЕКА

(Фото № 5)

Мы знаем, что подземный огонь, klocoyуий на глубине около 70 км под нашими ногами, порождает вулканические извержения и гейзеры — горячие фонтаны минеральных источников, бьющие на высоту до 100 метров над поверхностью зе-

мли. Не совсем легко представить себе, чтобы можно было оседлать это огненное чудовище и заставить его вертеть турбину. И все же это сделали. Поблизости от небольшого калифорнийского городка Галдсбурга расположена так называемая «Чортова долина», где из земли вырываются целые тысячи гейзеров. После нескольких неудачных попыток, сопровождавшихся сильными взрывами, аме-

рикаским инженерам удалось соединить металлические трубами поворности земли с «паровой камерой» (подземной полостью, где образуется гейзер). Перегретый пар устремился с грохотом по трубам, и оставалось только направить его по назначению. К трубопроводу была присоединена турбина в 35 киловатт, вырабатывающая энергию для освещения города и его окрестностей.

ОЗДОРОВЛЕНИЕ ЖИЛИЩА

(Фото №№ 4 и 6)

Жилищная теснота дожимает не только нас, но и нашу страну. Дома населяются, не успев продохнуть, и остаются сырыми. Устанавливаемые в них печи-сушилки действуют медленно и безбывас-

вестись сырость и всякие вредные микробы из-за того, что северные, северо-восточные и северо-западные части здания не освещаются или плохо освещаются солнцем. Особенно это сказывается в густо-

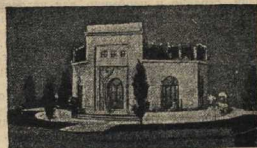

Фото № 6

на в пожарном отношении. Поэтому в Германии применяется сейчас осушка при помощи горячего воздуха, получаемого в породающей топке в доме. Горячий воздух прогоняется под высоким давлением по трубе и падает в сырое помещение с наглухо закрытыми окнами и дверями. Вода, которая содержится в известковом растворе стен, испаряется и уходит наружу.

Но даже и более или менее сухом доме со временем может раз-

застроенных районах городов. И вот во Франции начали строить небольшие дома (1—3 этажа) на новгородских кругах, в роде тех, на которых повсеместно наводятся паровозы. С помощью небольшого мотора в 4 лощ. силой такой дом приводится в медленное вращение, периодически подставляя солнцу свои «бока». Это изобретение чрезвычайно полезно для санаторий и других лечебных заведений, где лечение солнцем выдвигается на первый план.

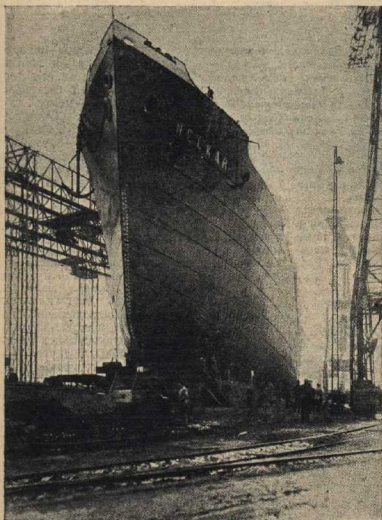

Фото № 7

Спуск парохода „Некар“

ГИГАНТЫ ГЕРМАНСКОЙ ТЕХНИКИ

(За обладание морем и воздухом).

Германия сжата стальными тисками Версальского договора. Германия выплывает ежегодно миллиарды марок контрибуции под видом „репарационных платежей“ (возмещение военных убытков, понесенных Антантой). У нее отняты огромные запасы военного снаряжения и промышленного оборудования, отобраны колонии, сношен ряд крепостей, отнято право содержать регулярную армию и боевой флот. Но слишком могущественна была германская техника, уже к началу империалистической войны опередившая в ряде отраслей английскую и французскую. И, конечно, никакими насильственными мерами невозможно было удружить научнотехническую и военную мысль Германии. Вот почему мы только что читаем в периодической печати описания новых и все более грандиозных конструкций, свидетельствующих с несомненным, чрезвычайно быстрым возрождением германской промышленности.

На прилагаемых photographиях изображены две такие новинки. Первая из них представляет собой огромный коммерческий пароход „Некар“, грузоподъемностью в

12.000 тонн, остроенный бременской судостроительной компанией Везер и недавно спущенный на воду. Photographия снята перед спуском парохода со стапеля (наклонная плоскость, на которой строится судно).

Еще более внушительное впечатление производит второй гигант — величайший в мире океанский дирижабль „Цепеллин 127“, который строится в настоящее время во Фридрихсгафене. Когда он будет закончен, его предполагается пустить в регулярные торгово-пассажирские рейсы между Германией и Америкой (пункты назначения Гамбург — Нью-Йорк). Несколько цифр дадут представление о чудовищных размерах этой „игрушки“. Длина его из конца в конец составляет 732 фута, наибольшая ширина — 109, наибольшая высота — 100 футов. Наполненные оболочки будет равно или более, ни менее, как 105.000 куб. метров. В движение он будет приводиться действием пяти моторов по 330 л.с., каждый в отдель-

ной gondole. Когда будут включены все 3.650 л.с., дирижабль должен развивать скорость до 80 англ. миль в час. Внутреннее помещение рассчитаны на 100 пассажиров и на 26 человек экипажа.

Цепеллин должен быть закончен в течение ближайших месяцев. Для пробного рейса он будет пущен по следующему маршруту. Атлантический океан — Сев.-Американские Соединенные Штаты — Южная Америка — через южную часть Атлантического океана в Африку — обратно в Германию.

На photographия № 8 изображена внутренность этого могучего сооружения, — точнее, внутренность его алюминиевого остова, которому предстоит быть обтянутым оболочкой.

Таковы два „последних крика“ возрождающейся германской техники. Не приходится сомневаться, что в случае войны эти „орудия мировой торговли“ будут надлежащим образом приспособлены и использованы республикой Гинденбурга.

НОВЫЕ САНИТАРНЫЕ АЭРОПЛАНЫ

За границей получают все более широкое распространение санитарные самолеты. Преимуществами перед другими видами передвижения очевидны, — особенно, в случае острого приступа, вывиха, перелома, огнестрельного ранения, укуса бешеной собаки и т. п., когда от скорости подачи медицинской помощи зачастую зависит человеческая жизнь. Рановый, вместе с водителями, помещается

в автомобиль специального устройства, который подвешивается к неподвижно укрепленному самолету и вкатывается внутрь его своим своим грузом. Автомобиль средней мощности весит около 800 кг, четверо больных с носильщиками — около 800 кг, — всего неместно больше 1000 кг (одной тонны). Военные самолеты свободно несут такой груз.

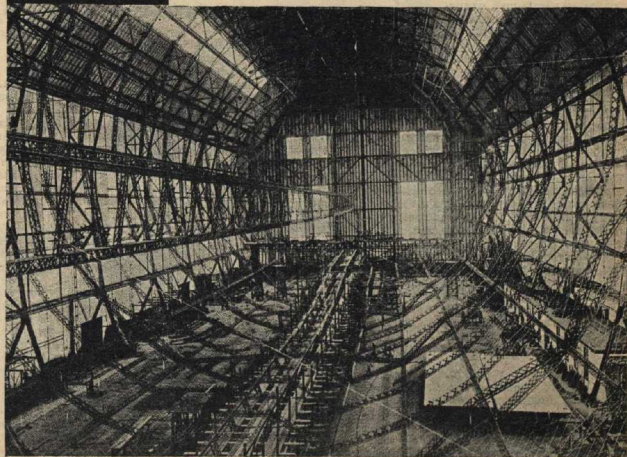

Фото № 8 Строящийся гигант — океанский дирижабль „Цепеллин 127“

ПЕШКОМ ПО СРЕДНЕЙ АЗИИ

(ИЗ ЗАПИСОК ТУРИСТА)

С. СЕРГЕЛЬ

ВОРОТА В АЗИЮ

Азия, и притом Средняя Азия, начала чувствоваться уже за Оренбургом. Палившее солнце, желтые степи и пески, жибиты киргизов и их темные широкие лица, ватные халаты и живописные белые повязки на головах... Бескрайний степной ландшафт ненадолго окнами Муроджарских гор, не уступающих в эту пору степи по выжженности и пустынности своих скаженных и невысоких вершин и склонов. Затем яркой, чистой синевой мелькнула ширь Аральского моря. На смену ему с другой стороны, с северо-востока, из-за мертвой пустыни выступили неясные волны гор Кара-тау, т.е. Черных гор, без снега. И, наконец, мы врезались в Ташкентский оазис. За мелькающими призраками от посторонних глаз усадьбы узбеков, бесконечные сады и журчащие потоки арыков. И подошли к ташкентскому вокзалу.

Здесь мы решили остановиться, чтобы собрать некоторые сведения о нашем маршруте. Нас было десять человек — девять учащихся Волоколамского техникума и один преподаватель. Мы хотели в трех лодках подняться по Сыр-Дарье вверх до Намангана, делая по пути пешеходные экскурсии в стороны для ознакомления с краем. Чтобы проверить кое-что о маршруте, я с одним из товарищей отправился в с. Чиназ, расположенное на берегу Сыр-Дарьи, у впадения в нее р. Чирчик, орошающего своим водами весь Ташкентский оазис.

ПЕРВАЯ РАЗВЕДКА

От станции Чиназ до с. Чиназ километров семь. Отправившись утром. Солные желы, дорога жестоко пылила мелкой лесовой пылью, по сторонам же ее весело бежала в арыках вода. Пить ее не рекомендую, но все-таки можно, если она мутная. Если же она прозрачная, то нельзя пить, так как это значит — спускается остывающая вода с рисовых полей, богатая малайрийной заразой. Рисовые поля, поразительно зеленые, стелются по обе стороны дороги. Их часто смеяют посевы цветущего хлопчатника, издали напоминающие картофельные поля.

Промаяга чаев поторо, вошли в Чиназ, где отдельные, редко поставленные домики, топили в зелени садов. Из первого домика нас направили к Алексею Котову, рыбаку, хорошо знающему Сыр-Дарью.

Котов шел след за раскрытого окна. — В лодках подняться по Сыр-Дарье? Отчего же, можно, хотя река не везде течет спокойно. Кое-где она сильно бурлит, пенится по камням, но искусный лодочник так или иначе поднимется. Лодки в Чиназе тоже есть, рублей по пяти-

Ранней осенью минувшего года, группа учащихся Волоколамского педагогического техникума — этого известного туристского "независимого" — предприняла путешествие в Узбекистан. Путешествие продолжалось 50 дней. Пешком группа прошла свыше 500 км. Имея бесплатный проезд, тов. израсходовали в среднем по 55 р. каждый. Все путешествие было совершено под руководством опытного туриста, преподавателя того же техникума — тов. С. И. Сергеля. Его записки мы и печатаем.

десяти. Но в Фергане опасно. То и дело приходится слышать о грабежах и убийствах. Вам туда не следует плыть.

Это был вполне определенный совет знакомого человека. Приходилось верить и, скрепя сердце, менять маршрут. С нами было четыре девушки, а наши два охотничьих ружья — не защита от банди-мачей.

Схематическая карта Ташкентского оазиса и прилегающих горных хребтов.

На прощание решили пойти выплывать в Сыр-Дарье. Пройдя по пескам и зарослям колочек, вышли на каменистую косу великой реки.

Это был мощный поток, шириною с Волгу у Рыбинска или в роде Днепра под Кременчугом. Желтовато-серая вода быстро катилась к Аралу, журча и крутясь у берегов. Особенно силен был напор воды на противоположный крутой берег. Вода его непрерывно рыла, и огромные глыбы рыхлых отложений то и дело сваливались в бурлившую реку, порождая широко разнесшийся плеск и шум. Около этого обрыва сидел огромный беркут.

Уже в Ташкенте, в результате обсуждения вопроса с знающими людьми, остановившись на пешеходной экскурсии. Решили идти по Ташкентскому оазису к видневшимся на горизонте горам. Таким образом мы должны были ознакомиться с тремя основными ландшафтами Узбекистана — с горами, оазисом и степью-полупустыней.

ЖИВОЙ МУЗЕЙ

Одновременно познакомились с Ташкентом. Последний состоит из двух частей — Старого и Нового городов. Старый город существует уже несколько тысяч лет.

Старый город — живой музей, гигантская живая картина Востока. Мы попали в него в базарный день. Базар — центр Старого города. Огромная окружающая площадь — скотный базар — окружена козыком лапок, магазинов,

чай-ханэ (харчевен), открытых мастерских, где товар изговаривается и продается. Дальше прихотливо растянулись извилистые узкие улочки с глухими гднбопными стенами узбекских домов. Из-за стен выглядывают верхушки садов. По улице иногда протрут узбек верхом на ослике, или лошади, увидением среди белых и черных узбеков. Зато на базаре жизнь бьет ключом.

Скотная площадь переполнена и животными, и людьми. В одном месте расположились величавые верблюды, в другом без коня по кругу развезают продавцы лошадей, показывая товар лицом, в третьем тесной толпой сгрудились курдючные овцы, треща, как студиом, жирными отложениями хвостов. Надрыбно вопят ослы, блеют бараны и овцы, мычат коровы. Люди же в ярких цветных халатах и в сверкающих тюрбентах спорят, торгуются, бьют по рукам. Ряд шум улочки разорвали звуки турси, и мы увидели сваденую процессию богатого узбека, в которой жених был наряжен в сияющую парчевую одежду. Все это под ослепительным солнцем так и горело всеми цветами радуги.

В ГОСТЯХ

Наша туристка как-то зашла в глухой закоулок. Их здесь увидел узбек, пригласил зайти. Тотчас были разостланы коврик и предложено обычное угощение — чай, плова и фрукты. Вышла и молоденькая жена хозяина. Она была без покрывала и капризным жестом выражала свое презрение к нему. Однако, когда ей пришлось ехать с нашими в трамвае, по-сторонний узбек, она поспешно опустила черную сетку на свое лицо и не подымала ее до самого дома. Если некоторые женщины и решаются открыть лицо, то во всяком случае не в Старом городе, где им за это угрожает нож фанатика.

Когда наши туристы пили чай у гостеприимных хозяев, за дверью мелькнула чья-то фигура. Хозяева ее окликнули, и в комнату вошла молодая узбечка с мужем. Эта уже работала на небольшой местной ткацкой фабрике и чувствовала себя очень свободной. Она выражала недовольство своим мужем и общалась последним своим мужем и другом. Это обещание, видимо, очень убивало мужа, и он сокрушенно жаловался на свою освободившуюся жену. И он горестно рассказывал, что, когда они вдвоем шли по улице, какой-то молодой узбек, ехавший на

У степного колодца

ишаке, пригласил его жену сесть с ним рядом на осла. И жена села и поехала на одном осле с чужим мужчиной, а он муж, шел сзади один. Это было ужасно!

ТАШКЕНТСКИЙ ОАЗИС

Настало утро отправления в путь. С первым трамваем вышли на окраину и с котомками за плечами двинулись по большой дороге на северо-восток, к горам. До них от Ташкента километров девяносто. На третий день подошли вплотную к горам.

Ташкентский оазис с гор имеет вид удлинённого зеленого треугольника, вытянувшегося с северо-востока на юго-запад. Острая вершина этого треугольника лежит в горном ущелье, основанье сливается с пустынной степью. Питается оазис системой потоков, очень напоминающей кровеносную систему. От основного ствола, Чирчик, отходят каналы, ветвящиеся дальше и оканчивающиеся целой паутиной тонких канальцев, непосредственно питающих каждое выращиваемое растение. Без воды здесь солнце все сжигает в пепел, с водой оно творит чудеса, вываяя необычайное множество и плодородие земли.

Чирчик вырывается из гор в оазис у кишлака Ходжекента. Он образует

являющихся западной ветвью великого Тянь-Шаня.

Узбекское селение Хумсан в долине Утама мы избрали для первой нашей стоянки в горах. Приют мы нашли на террасе у одного узбека. Местный лесничий назвал нам интересные места около Хумсана.

У меня разболелась нога, и я оказался на несколько суток привязанным к месту нашего временного обитания. Побывать иногда несколько дней на одном месте всегда полезно туристу — только так удастся ближе присмотреться к природе и людям.

Переязав ногу, я сел под огромным грецким орешником, в тени которого могут укрыться человек сто. Такие же силачи настоящего мира виднеются еще кое-где на маленьком плоскогорье, разделанном под сады, бахчи и поля.

На ласкости везде, среди садов и топей, «кибитки». Дело в том, что в Хумсане летом душно и пыльно. И вот его жители на лето пе-

рибаются на свои участки на маленьком плоскогорье и на склонах гор, где ими устраиваются маленькие строения из глины и дерева, в которых они и проводят лето. Спят на крышах.

По дороге мимо меня весь день движутся везанки хлеба, из-за которых не видно несущего их на себе ослика, удивительно покорного и большого здесь труженика.

Перевези хлеб, начинают его молотить и провевать. Молотобой здесь остается неизменной со времен Александра Македонского: гоняют несколько увязанных в ряд быков, и они, толча, обмолачивают зерно. Здесь же зерно провевается. Не более совершенны и орудия вспашки. Это даже не соха, а просто деревянная мотыга, вьюсовая быками.

На закате семья собирается около своей кибитки. Вьются синие дымки, готовится незатейливый ужин. Баранину редко едят, питаются, главным образом растительной пищей, которая зато здесь имеется в изобилии — фрукты, виноград, разные овощи, дыни, арбузы, орехи.

Н ЛЕДНИКАМ ЧАТКАЛА

Утром 16 августа мы выступили из Хумсана дальше в горы, к ледникам Чаткала.

После полудня вышли на широкую котловину. У противоположного края ее, за рекой Чаткалом, зеленело пятно садов с Бурч-Мулла. По надломившемуся,

Вверху — узбекская детвора, слева — молодые узбеки за шахматами

сле висевшему над рекою мосту перешли Чаткал, пересекли котловину и вошли в селение. Кривыми и пустынными уголками, вдоль журчащих арыков добирались до «центра» — теневой долины, на которую со всех четырех сторон смотрели зазывающие чай-ханэ с разостланными коврами и готовым

чаем, и открытые лавочки со всем, что необходимо неприхотливому человеку.

Квартире нашли быстро. В нескольких шагах от базара почтенный таджик Малик-Ходжаев с проделанной седой бородой, сухощавый и приветливый, предоставил в наше полное распоряжение обширную террасу, открытую во двор. Дворик был очень чист, по нему протекал ручей — своеобразный водопровод и у стены зеленое несколько деревьев. На разостланных коврах лежали в ряд десять туристских котомок, а за ними и их обладатели.

С утра готовились в дальнейший путь — на ледник в верховьях реки Саргандос. Надо было выбрать из котомок лишнее, хотя лишнего в них без того уже ничего не было. Эта адски трудная задача хорошо известна каждому путешественнику, вынужденному нести на себе все свое снаряжение. Кроме того, у всех изорвалась обувь, и с нашими ограниченными средствами надо было во что-то обуться. Некоторый выход нашли, купив несколько пар местной горной обуви — «чукаки». Хорошо сработанные чукаки очень удобны, но плохие — горе. Швами и узлами они бурвают и рвут ногу — лучше босому идти по камням. У кого обувь развалилась непоправимо, тот получил чукаки, — остальные всецели ухитрились связать расплоскившиеся части сандалий и ботинок.

На другой день утром быстро свернулись и, оставив в Бур-Мулле одну девушку с большой ногой, все вместе вышли из дому, предвещавшие живым стариком-таджиком верхом на осле. Пересекли «центр», напустившие всеслышавшие возгласами завсегдатаев чай-хань, и улочками-коридорами вышли из селения. Путь лежал правым берегом Чаткала. Сначала дорога вылась среди полей по широкой долине, но скоро долина сужилась в ущелье. По крутому правому склону его волнистой ипоточкой протянулась пешеходная тропа, иногда теряясь в камнях, порой такая узкая, что нога скользила вниз, и, чтобы не сорваться в бушующий в мрачной щели Чаткала, надо было крепко хвататься за выступы скал.

Величественные серые скалы местами были совершенно отвесны, и ущелье имело грозный вид. Кое-где в долинах светились пятна снегов, торжкх Чаткала неслись потоки, отныне водопадов.

Лакомыми довольно вкусными дикими виноградом и дикими же яблоками. В этих рогах передки следы медведей и диких кабанов, приходящих сюда кормиться.

На серых скалах и на синем небе вырисовывались темно-зеленые, древоподобные можжевельники — «арча». Древесина арчи идет на изготовление карандашей, почему и самое дерево называется еще карандашным деревом.

Прихотливо вышедшей тропиной одолевала перевал за перевалом. Хотя они были и не слишком высоки, но все же пот лился с нас обильными струями¹⁾.

Ночевали на небольшом плоскогорье, со всех сторон окруженном горами. Натаскали сухих дров, развели яркий

огонь и приготовили плов и чай. Улеглись спать у огня. Ночь была очень свежа. Поэтому легли рядом, под две накрытые одеялом. Когда огонь слабел и мягко рдели одни угли, небо расчищалось сияющими звездными узорами. Но без огня было холодно, и кто-нибудь вставал и подбрасывал дров. С треском заживалось пламя, озаряя спящих, деревья и скалы.

На другой день около полудня были у урочища Мазар-Саргандос. Здесь в землянке под навесом жили две русских семьи. Они занимались сбором трав, дающей эфирные масла. Кроме того, один из русских, бывший ювелир, изготовлял для окрестных киргизов и дая

Ледник в Чаткальских горах в верховьях реки Саргандос.

жителей Бурч-Муллы металлические украшения, занимался починкой изделий. Другой еще и охотился на кабанов, обеспечивая себе на зиму запас мяса и сала.

Приняли нас эти поселенцы радушно. Угостили свежей свиной, дали место для ночлега и, зная местный язык, помогли найти проводника на ледник.

Рано утром тронулись в путь. Впереди быстро шел киргиз-проводник, повликом, из очень бедной семьи. Перевалив небольшой хребет, вышли в ущелье реки Саргандос и начали подниматься к высокому гребню. Приходилось — карабкаться на огромные камни, идти то по одному, то по другому берегу, прыжками перебираясь по камням через бурный Саргандос.

Подъем делался все круче и труднее. Придительно в поодень вскапывая чую и, подкрепившись, наладили последний подъем, оставив поток в стороне. Сначала ноги скользили по мягкому тра-

вяному ковру, но затем пошел сплошной камень — неокатанный, острый — и, наконец, мы вступили в моренные нагромождения. Пока они поднимались отсюда, беспокоиться было не о чем. Но когда скалы морен перед ледником расположились одна над другой целыми россыпями по резко падающему склону хребта, ход по этому хаосу стал опасен. Огромные скопления каменных глыб во многих местах, видно было, готовы были рухнуть вниз при незначительном толчке. Ставить ногу и думать, как этим шагом нарушу непрочное равновесие? Иногда основательно замирало сердце. Обходя такие грозные глыбы, подошли к леднику, заподознившего обширную котловину. У верхнего края ее темнело обскобленные утесы. Боковой мореной обогнули ледник и, карабкаясь, достигли вершины длинного хребта.

С высоты его нашим глазам открылся мор-е-г-ор. Мутно-желтый хребет, словно остановившийся в своем беге невиданной величия волны, протинулся от края неба до края, уходя в даль неясными гребнями, серебрился пятнами ледников и снегов. Всегда висящая в воздухе Средней Азии мельчайшая пыль окрашивала землю и небо в желтоватый оттенок, и в этом желтоватом тумане все казалось воздушным, все было очерчено мягко и нежно. По северо-западному склону хребта, на котором мы стояли, под нашими ногами, развинулся ряд мощных ледников, исчерченных полосами трещин. От них тянуло ветром, согреть который не могло мутно светящее солнце.

Перешли на ледник. По снежному мостику миновали жуткую пропасть трещины и очутились на краю ледяного утеса. Ледник в величавом покое замерло огромное ледяное поле. Кругом было тихо. Ни птиц, ни зверька, ни насекомых.

Только камни, лед и мутное небо. Спустились быстро, но было поздно, и поэтому добрать до стоянки не удалось. Уже в темноте, еле ориентируясь среди камней и скал потока, остановились в защищенном от ветра месте над обрывом. Набрали сухих дров, и во мраке ночи заволановало и зашумело пламя.

СТЕПЬ, ПУСТЫНЯ, ГОРЫ И МОРЕ

Затем снова в вагоне по необозримой степи. Ночью сошли на станции «Аральское море». Утром отправились на берег, смотрели в морскую даль, в зеленую прозрачную воду, в убагающие желтые полосы берегов. Раздольная шлоку, под парусом, с попутным ветром, унеслась в безбрежную синь.

И снова ритмичное потогмохивание вагонных колес, степь и степь — киргизская, русская, лесостепь, перелески — и трубы и дымы Москвы.

Так туристы из Волоколамского педагогического техникума крепко почувствовали чуть не все стихии природы — степь, пустыню, горы и море. Они видели союзы с новейшей техникой, а рядом — людей, которые живут и работают, как тысячу лет назад. Незабываемыми картинками останется все это жить в нашем сознании, сообразно жизненному опыту яркость, силу и многообразие, повышая ценность и интерес жизни.

¹⁾ Нагрузка у нас была в среднем по 8 килограмм на каждого.

КОМСОМОЛ В ФОТО

СЕМЬ ЧАСОВ В ДЕНЬ

Манифестом ЦИК СССР в связи с десятилетием Октябрьской Революции был объявлен переход с 8-часового рабочего дня к 7-часовому. В то время как на Западе (в Англии, Германии) капиталисты проводят повышение рабочего дня до 10—12 часов, в рабочем государстве рабочий день сокращается и рабочий будет иметь лишний час для повышения своей культуры.

Сейчас работает правительственная комиссия по осуществлению постепенного планомерного перехода всех предприятий к 7-часовому рабочему дню. Комиссией уже объявлен переход свыше двадцати крупнейших текстильных предприятий к 7-часовому рабочему дню.

Переходят на 7-часовой рабочий день такие крупные фабрики, как «Красный Перекopf» в Ярославле, «Красное Знамя» в Раменском и др.

Переход к 7 часам начат с текстильной промышленности вследствие того, что здесь наиболее легко произвести быстрый темлом необходимую реорганизацию и рационализацию производства, а переход к 7 часам требует подготовки и обдумывания всех процессов работы предприятия в новых условиях (три смены и т. д.).

КОНКУРС НА ПЕВЦА И ПЛАСУНА

В «Смене» уже сообщалось о состоявшемся недавно 2 Московском губконкурсе гармонистов. В Ленинграде музыкальные конкурсы молодежи совершенно правильно не ограничивает гармонией, а организует после 1 февраля конкурс молодых гармонистов, балалаечников, домбрачей, гитаристов и мандолинистов. Струнный инструмент в быту городской молодежи занимает большее место, чем «гармонь».

В Ростове н/Дону в оживлении форм массовой работы путем соревнования пошли еще дальше. Комсомольская организация

проводит в Ростове конкурс на лучшего певца и пласуна (на фотографии дан один из моментов конкурса). В качестве приза выделяются бесплатные места в музыкальных школах.

Переход к 7 часам дает возможность текстильной промышленности увеличить выработку продукции— вместо прежних двух смен по 8 часов—16 часов, теперь фабрики работают в три смены по 7 часов—21 час. Пять новых часов работы дает переход к 7-часовому рабочему дню. При 7 часах рабочий и работница должны теперь выработать столько же, как раньше при 8 часах.

Введение 7-часового рабочего дня также связано с увеличением количества занятой в производстве рабочей силы. Сейчас переходящими на 7-часовой рабочий день предприятиями производится новый набор рабочих, что сокращает безработицу в стране. Это особенно затрагивает молодежь. Набор новых рабочих производится в первую очередь из переростков— детей рабочих. Школы фабзавуча переходящих к 7 часам предприятий производят сверхсрочный выпуск новых рабочих и новый набор в школы фабзавуча в равном выпуске количестве. Новый рабочий должен приобрести еще необходимый навык и квалификацию.

На фото— молодые работницы и рабочие переходящих на 7-часовой рабочий день предприятий. Как известно, в текстильной промышленности заняты, главным образом, женщины.

В будущих номерах «Смены» будут даны очерки, рисующие переход к 7 часам нескольких предприятий.

МОЛОДЫЕ ХУДОЖНИКИ-САМОУЧКИ

На днях закрылась в Москве интересная выставка художников-самоучек. На выставке были показаны произведения около ста художников-самоучек, в большинстве из рабочих и крестьян.

Как отрадное явление, надо отметить наличие на выставке самоучек-художников из молодежи, из комсомольцев. Среди премированных: 1 премия—Футельгайт, счетовод, 20 лет. Премированы также работы Тенцова—комсомольца-крестьянина Тамбовской губ., Моршанского уезда. Жюри выставки призвало Тенцова исключительно одаренным, он принят для обучения в студию АХРР и получает стипендию из фонда молодых дарований. На фото—Тенцов и одна из его картин.

ЗА ПОРОГОМ ЯЧЕЙКИ

Очерк Б. ГАЛИНА

... За дверью коллектива часто течет иная жизнь. И эта жизнь бьется о порог ячейки, натапливается на высокие ступеньки казенных ответов и отписок, на разбавленные водичкой соблазнования, на плотно прикрытые двери. Для комсомольцев, для всей рабочей молодежи двери ячейки должны быть раскрыты. Политика закрытых дверей — политика обывательщины. Комсомолу же не может и не должно пройти мимо горя своего товарища. Комсомолу силен коллективом. Коллектив всегда поддерживает падающего, может и должен окружить вниманием, подкрепленным делом, своего товарища.

Ночью раздалась крики. Кричал шестнадцатилетний Андрианов. В одной рубашонке выбежал он во двор, и глазами, полными ужаса, обводил каменный мешок городского дома. В два часа ночи все спят. Чернели впадинами многочисленные окна. Он пытался громко звать к себе на помощь, но дом глухо молчал, и звуки умирала в ночи.

Робкими шагами приближался он к своей квартире, но оттуда неслись крики пьяного брата... «Убью... Изувечу...» Пуля гноя жала к стенам коридора. Мелкая дрожь охватывала тело. Не было сил сдерживать прыгающие губы и дробь зубов. От холода и усталости хотелось склониться к промерзшему полу и уснуть; глаза сапанили, и голова скользя ввин. Медленно текли минуты. И когда стихало пьяное бормотание брата-миски, Александар медленно — медленно открывал дверь квартиры, крадучись скользя мимо пьяного брата и камнем кидался в постель.

В шесть утра Андрианов подымался с постели и с тяжелой свинцовой головой отправлялся на фабрику. Неоднократно, особенно в последнее время, Андрианов стал запаздывать на занятия; выслушав замечания заведующего, виновато улыбался, уходил в цех работать. Ребята стали вдруг замечать, что от Андрианова когда к нему неслись было подступиться, он отрывался, кидался чуть ли не с кулаками на веселых фабзайцев и угрюмо забивался в угол цеха, стараясь не шуметь и не быть заметным.

Вчера к нему пристала озорная Зинка. Сразбегу она подскочила сзади к молчаливому Шурке и тонким фальшом запела:

— Мы никогда друг-друга не...

Шурка мигом обернулся, словно ужаленный, и окатил ее градом отборщившей ругани. Его глаза блеснули, руки рвали ворот рубашки. Вид у него был ужасный.

Что это же делать? — подумала Зинка и укордкая стала разглядывать его. Тут она впервые увидела худое, бескровное лицо, со странно блещущими глазами. Он тяжело дышал и правой рукой застегивал и расстегивал ворот рубашки.

— Ишь худой какой... — вздохнула Зинка и побежала прочь от него к ледчатам.

Андрианов прислонился к стене. Придавок бешенства у него прошел. Он ясно представил себе Зинкино лицо и вспомнил, как он зло накинудся на нее, ругая ее последними словами. Краска залила его лицо. Ему стало стыдно.

— Но что же делать? — прошептал он. Ответа он не мог подыскать. Остаток перерыва он скоротал в думах. Мысли неслись вперегонку, обгоняя друг друга. Были дни, когда он заходил в ячейку, оставался на собраниях, но все это куда-то теперь уходило. Оглядываясь, он пришла в голову мысль зайти в ячейку, рассказать все, что накопилось.

В ячейковой комнате набилось десятка два ребят. Секретарь, взлорившийся парень, охрипшим голосом кричал о членских взносах, пробирая одного, по-

казывал какие-то брошюры другому, инструктировал третьего... Шурка посмотрел на вспотевшее лицо секретаря и улыбнулся: «словно заводной», все говорит да говорит... Он шел с мыслью рассказать все домашние дразги секретарю, но, увидев, как секретарь разрыдается на части, он раздумал: «Не стоит терпеть его», — подумал Шурка, — ну, что он ответит...»

Секретарь заметил бледное лицо Шурки, вспомнил на миг, что фабзайцы на днях рассказывали, что от Андрианова «задрово вальеркиной несет», и торопливо спросил молча стоявшего Шурку:

— Что у тебя там, неададо?

Андрианов отвернулся от него и ответил: «Да так... поговорить хотел...»

— Спешное что ли?

— Не... личное.

— Вали, приду в цех.

Секретарь с жаром накинудся на убежавшего парня с книгами в руках. Шурка потоптался на месте и покинул ячейку.

В пять вечера он покинул порог фабрики и шагнул домой, на Кузнецкую.

По широкой улице с грохотом неслись трамваи, полные человеческих тел. Словно пьяные, качались они из стороны в сторону, звонками преграждая путь пешеходам. Улица жила своей особой вечною жизнью. Черные авто легко скользили по хрупкому снегу, неся вперед сияние светящихся полосок. Люди ныряли меж машин, атаковали вагоны трамвая.

Шурка забивался в людскую массу и вместе со всеми шагнул по широкой улице рабочего Замоскворечья. Если брата дома не было, он облегченно вздыхал, принимаясь настраивать свой небольшой детекторный приемник. Это были лучшие минуты его отдыха. Слушая по радио беседы о событиях в стране (газет он не читал), слушая письма комсомолки, жаждущей на плохое житье, слушая о делах советской страны... — он на миг забывал о своей жизни-компейке.

Стучала входная дверь, по коридору, гремя сапогами и покачиваясь, выспавал брат-мисик. Он приближался к столу, за которым сидел с черными наушниками младший Андрианов.

— Ага... — икая и покачиваясь на коротких ногах, говорил старший Андрианов, — слушаешь... радио... Так... а вот я тебе... послушаю...

Александр мигом сбрасывал с себя наушники, подхватывал приемник и, прижимая его к груди жестом человека, у которого хотят отнять его любимое, удалялся в угол комнаты, забивался на кровать.

У брата глаза наливались кровью, руки, огромными руками, привившими рошито коровий туши, он сдергивал одеяло, пытаясь охватить тщеудное тельце мальчика. Эти красные руки вселяли страх в Александра, с криком он кидался в открытую дверь мимо брата и в ужас бежал во

двор. Здесь крики прекращались, ибо не было никакого смысла стонать: каменный мешок нем и неподвижен. Ночь заглушала плач и крики фабзайца Андрианова. Радио натолкнуло его кинуть письмо в газету. Тайком, чтобы брата не заметил, он излил в письме свои горести, звал спасти его.

СПАСИТЕ МЕНЯ!

Письмо ученика ФЗУ Краснохолмской ф-ки им. ВПСТ А. П. Андрианова.

Сколько раз я принимался за перо, чтобы написать вам письмо, но не никак никак собраться с мыслями — до такой степени расстроен я постигшим меня горем. Дело в том, что, приходя домой после работы, я испытываю надругательства и частые побои со стороны родных моих братьев. Один из них — Василий Павлович Андрианов, по профессии мисник, очень часто после службы приходит домой пьяным, издевается надо мной и бьет меня.

Много, очень много раз пробуждался среди ночи от сильного шума. Ударами кулаком мой брат выгонял меня в одной нижней рубашке во двор. Отца у меня нет, а мать справляется с братом не может. У меня есть детекторный приемник, и я часто слушаю вашу газету по радио; но только я слышу, что он занимается кулаком, грозит сломать приемник и повредить антенну.

Я больше не могу жить в такой обстановке и потому призываю на помощь. Спасите меня!

С товарищеским приветом

А. П. Андрианов.

Так протекает жизнь фабзайца Андрианова. Жизнь подрастающего человека, которого дом с его затылками бьет, и братом-мисником старается отнять от комсомола, от фабзавуча.

От комсомола его уже отняли. В ячейку он не заглядывает, в последнее время он ни разу не переступал порога ячейки, не зная, что в ней творится, тем там живут. Да и ячейка не перестала порога его жизни, не зная, чем живет, что возмущает молодого Андрианова. Сам Андрианов дал о себе знать, не в ячейке, а всей молодежи. Он написал в газету, и теперь, как говорят в учреждениях — «делу дан ход». Андриановым заинтересовались газеты и ячейка. Ах, удачи отозвать фабзайца от брата, который высасывает его день за день...

А сколько у нас Андриановых, жизнь которых уродливо протекает за порогом фабрики!

Почему Андрианов, бывший одно время комсомольцем, не пошел в ячейку рассказывать о своей мучительной жизни, а кинул письмо в газету? Это не случайно. Не случайно потому, что ячейка еще не научилась давать точные, деловые ответы на вопросы рядовиков; ячейка не знает, что творится за ее порогом.

Не пора ли ячейкам открыть свои двери, чтобы они знали, чем живет и болеет комсомол за их порогом?!

Н. А. НЕКРАСОВ

(К 50-й ГОДОВЩИНЕ СО ДНЯ СМЕРТИ)

Очерк Н. ОРУЖЕЙНИКОВА

Память о Н. А. Некрасове особенно дорога нашему поколению потому, что он видел цель поэзии не в усаждении привилегированной верхушки общества, а в служении народу, его нуждам и интересам. Он прямо писал:

«Еще стыдней в гинуду гора
Красу долин, небес и моря
И ласку милой воспевай».

До Н. А. Некрасова поэзия, главным образом, отражала воззрения и настроения дворянства. В этой поэзии могли иногда звучать нотки покаяния, даже протеста против крайностей крепостного строя и самодержавия. Но в основном в ней мир рассматривался глазами дворянина, часто пресыщенного жизнью и разочарованного в ней, но неспособного к последовательной критике своего класса, неспособного к пониманию нужд и интересов классов угнетаемых.

В эпоху, когда выступил Н. А. Некрасов, в середине прошлого века, на литературно-общественной арене происходила известная перемена. В литературу вошел раскольник, представитель мелкобуржуазной городской интеллигенции, зачастую наравне с крестьянством и зарождавшимся рабочим классом испытывавший на себе гнет самодержавия.

Н. А. Некрасов, хотя и дворянин по происхождению, по своим связям, по деятельности, по интересам был гораздо ближе к этой новой силе. Поэзия же его почти без оговорок может быть отнесена к разнородной литературе. С высших слоев общества центр внимания был перенесен на крестьянина, мастерового, рабочего, мелкого служащего. Не простое сострадание, а горячее сочувствие к «мелким братьям», призыв к борьбе за лучшую долю для них звучат в поэзии Некрасова со всей страстью.

«Иди в огонь за честь отчины,
За убеждение, за любовь...
Иди и гини безупречно;
Умереть недаром... Дело прочно,
Когда под ним струится кровь»

Взор поэта устремляется к бурлакам, которые «идут бичевой» со стоном, что «у нас песней зовется»; к Арипе, солдатской матери, сын которой, истомленный, сломленный солдатской мушкетер, угас «словно свечка», восковая предкиная»; к землекопам, чьи кости лежат по бокам вновь проложенной железной дороги; к детям, измученным в непосильном фабричном труде... Поэт заступается за всех обиженных жизнью, социальными несправедливостями. С горечью пишет он о женах декабристов, переносивших страдания вместе со своими мужьями, с горечью и с состраданием перед твердостью и стойкостью этих женщин. В своих поэмах и стихах он развертывает длинный свиток страданий народа и зовет к борьбе за их уничтожение.

Проникнутая глубоким сочувствием к простому люду, к мужику, поэзия Н. А. Некрасова имела огромное революционное значение для своего времени. Но это еще далеко не означало того, что сам Н. А. Некрасов был подлинным революционером. Если он находился в себе достаточно сил для того, чтобы протестовать против угнетения, бичевать вельможу, издеваться над чиновником, возмущаться солдатской мушкетер, то он же не видел точно, откуда воссияет лучший завтрашний день. Поэт восклицает с энтузиазмом:

«Люди народа —
Счастье его,
Свет и свобода
Прежде всего».

Но у него нет достаточного понимания путей, которыми можно подойти к этой лучшей доле народа. На народ Н. А. Некрасов не возлагал оптимистических надежд. В своих знаменитых «Размышлениях о парадного подвиза» Н. А. Некрасов обращается к предмету своего заступничества с такими словами:

«Что же значит твой сон бесконечный?
Ты проснешься ли, исполненный сил,
Иль, судя повинуясь закону,
Все, что мог, ты уже совершил».

Создал песню, подобную стону,
И духовно навеки почил?»

Народ представляется поэту пассивной терпеливой массой, в которой еще не проснулось сознание своих интересов, стремление бороться за них. Не раз Некрасов упоминает о терпении русского народа, хотя и не возводит этого терпения в чудесную, непреодолимую национальную черту, как это делают дворянские поэты от Тютчева до Бунина. Надо заметить, что тогдашняя растаповка социальных сил давала известное основание для подобных взглядов. Класс, способный к замене социальных мечтаний ясной социальной программой, к превращению разрозненных и случайных вспышек в мощное политическое движение, пролетариат еще не выступил на историческую авансцену в России. Первые шаги его закрепились гораздо позже, когда Некрасов уже угас.

В своей журнальной, общественной деятельности Некрасов поддерживал лучшие традиции, что он поддерживал в самом начале их литературного пути Добролюбова и Чернышевского и что, наконец, он сам глубоко сознавал ложность своего положения. Он отвечал своим недоброжелателям:

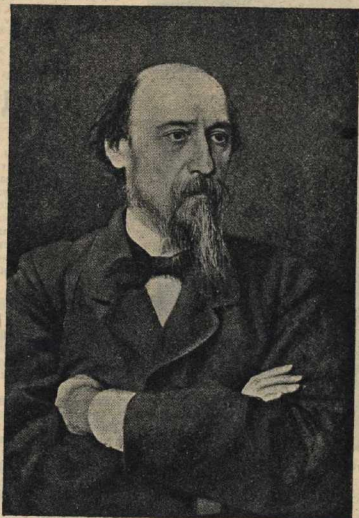
«Не придумать им казни мучительней
Той, которую в сердце пошу».

Было бы несправедливо из-за недостатков человека не замечать огромных заслуг поэта и литератора. Сейчас мы вспоминаем о Некрасове, главным образом, как о поэте, но ведь он в течение десятков лет («Современник» — 1846—1866 гг., «Отечественные записки» — 1868—1877 гг.) руководил крупнейшими журналами, написал ряд повестей и рассказов, написал много критических разборов в своих журналах. В истории русской литературы Н. А. Некрасов занимает место, как всесторонний деятель литературы, как соратник Добролюбова и Чернышевского, как воспитатель многих литературных талантов, при его содействии впервые появившихся в печати.

Н. А. Некрасов умер 27 декабря 1877 года (по старому стилю), пятидесяти шести лет от роду. Это далеко не дряхлый возраст, и многое, может быть, удалось бы создать еще кипучему таланту. Но то, что им создано, уже дает право именовать Некрасова вызывать любовь и преклонение у многих и многих читательских поколений, и, особенно, у нашего, взращенного революцией.

Н. А. Некрасов — наш, ибо нам принадлежат те таланты, которые боролись против угнетения, за лучшее будущее человечества. Недаром у него в стихах так страстно прозвучала мольба:

«От ликующих, праздно боатающих,
Обагривших руки в крови,
Уведи меня в стан погнанных
За великое дело любви».

Мрестяне приводят в чувство сброшенного кулаком в воду Степана

Степан и дочь нупана

Мельник и предсельсовета, боравшиеся против постройкн мельницы

Дочь нупана выдает милиции отца и предсельсовета, подбравших белогвардейское оружие Степану

„Водоворот“

До сего времени рецепт постановки деревенских фильм был очень несложен.

Требовалось взять попа, кулака, взяточника-предсельсовета, демобилизованного красноармейца, девушку, насилино выдаваемую замуж за нелюбимого, заснять их на фоне деревни, показать конечное торжество „светлых сил“ — и фильма готова.

Советская деревня, мучительная стройка нового быта в ней и борьба со старым показывались по штампу, без капли выдумки и изобретательности. Происходило это от незнания режиссерами деревни и непонимания ими запросов зрителя.

Не так подошел к своей работе коммунист-режиссер Петров-Бытов. Ему, городскому жителю, пришлось поехать в деревню, прожить там несколько месяцев.

Результаты такой командировки не замедлили сказаться и оправдали себя: фильма показывает подлинное лицо советской деревни и убеждает, что и на „скудной“, „серой“ деревенском материале можно делать художественные произведения.

Тема ее: борьба новой советской общественности в лице батрака Степана с кулаком-мельником за постройку общественной мельницы и любовь его к дочери кулака. Тем не менее, шаблонными типами она раскрывается режиссером по-новому, с большим мастерством и увлекательностью, без излишних ухищрений и претензий.

Чувствуется, что режиссер хорошо знает показываемый им материал. Общй тон фильма и ряд ее деталей сделаны просто и убедительно. Поступки героев, их психика жизненны и понятны и вполне оправдываются бытовым окружением. Классовая борьба, происходящая в деревне, и ее новое лицо зрителю, несомненно, уясняются, и в этом основное достоинство фильма.

В ней имеются и некоторые недостатки: неправдоподобен слишком нахраписто действующий кулак — они теперь орудуя осторожнее и тоньше, опутывая мужика. Несколько фальшива сцена бросания Любашы в реку — не верится, чтобы здоровая, жизнерадостная девушка из-за любви кончала жизнь самоубийством.

Однако, эти недостатки нисколько не умаляют общей ценности фильма.

Без сомнения, она будет встречена с одинаковой радостью рабочим и крестьянским зрителем!

МИХ. Д.

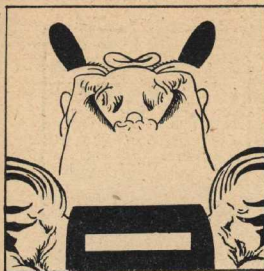
Товарищи читатели!

В следующем № „Смены“ читайте о новых комсомольских кино-картинах „Парижский сапожник“ и „Два друга — модель и подруга“. Шлите свои отзывы о комсомольских фильмах.

ЗАДАЧИ И ИГРЫ

Под редакцией Л. Е. Рубинштейна

№ 6. Задача

Четырьмя ударами ножиц разрезать рисунок на 8 частей, на которых следует составить филономолию того, кто более всего недоволен трудностями.

№ 7. Загадка

Я — город, я — веселая, я — то, что людей объединяет.
Кто я?

№ 8. Арифмограф

Все слово состоит из 11 букв и означает фамилию одного из руководителей нашей партии. Если мы все буквы ответим по порядку цифрами, то получим:

на 8, 9, 10, 11 — название бильярдного прибора;
» 4, 3, 7, 6 — птицы;
» 2, 10, 8 — лава;
» 5, 1 — ноты.

Какая это фамилия?

№ 9. Задача

С	А	Е	А	Т
О	Ь	Я	Ж	С
Ш	В	Б	О	Б
Н	Р	А	Т	И
И	Б	З	Ь	Н

Ход коня

№ 10. Задача. (Елов Москва)

А	К	И	Б	
	Л	Т	У	Р
К		А	У	К
	Б	Т	Р	А
А		Т	Г	С
	И	И	А	А
А	Н	О	А	
	С	Т	Н	К

Переставить буквы в клеточках так, чтобы, читая слова чирком и сверху вниз, получились слова следующего значения:

1. Место культурного отдыха. 2. Часть книги. 3. Мера измерения. 4. Шейная принадлежность. 5. Птица. 6. Зверь. 7. Причина убийства в производстве. 8. Оружие войны.

В пустых же клеточках разместить цифры от 1 до 32, чтобы, произведя сложения таким же образом, как и буквы, сумма равнялась 66.

№ 11. Загадка

Какое учреждение, взятое два раза, составляет красивую краску?

№ 12. Загадка-шутка
Что нужно сделать лосю, чтобы превратиться в животное.

ОТ РЕДАКЦИИ

Открывая отдел задач, редакция объявляет конкурс на решение и составление задач. В конкурсе могут принять участие все читатели журнала.

За каждую помещенную или решенную задачу засчитывается одно или два очка, смотря по сложности ее. Получившим большее количество очков присуждается три премии. Премии будут объявлены дополнительно.

Материал для помещения и решения опубликованных задач следует посылать в закрытом конверте с пометкой «В ОТДЕЛ ЗАДАЧ».

Конкурс начнется. Шлите решения и материалы.

Редакция будет публиковать фамилии всех приславших правильные решения. Посланный и принятый материал печатается за подписью автора.

ЧИТАЙТЕ И ПОДПИСЫВАЙТЕСЬ на САМЫЙ ДЕШЕВЫЙ ДВУХНЕДЕЛЬНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ КОМСОМОЛЬСКИЙ ЖУРНАЛ

* СМЕНА *

Подписная цена на журнал „СМЕНА“ в 1928 году снижена на 50%. Цена отдельного номера в розничной продаже, вместо прежних 20 к., только 10 к. В 1928 году журнал „СМЕНА“ будет выходить в реорганизованном виде и измененном формате и даст на своих страницах

ДВА БОЛЬШИХ ПРИКЛЮЧЕНЧЕСКИХ РОМАНА ОДИН БОЛЬШОЙ РОМАН ИЗ БЫТА МОЛОДЕЖИ

Повести и рассказы лучших современных русских и иностранных писателей. Стихи А. Безыменского, А. Жарова, М. Светлова, И. Уткина и других лучших комсомольских поэтов. Путешествия и приключения на суше, на море и в воздухе (повести, рассказы, очерки). Жизнь и быт молодежи — постоянное обсуждение вопросов быта молодежи при активном участии читателей и борьба за новую культуру среди молодежи. Молодежь на суде — важнейшие судебные процессы и связанные с ними вопросы. Новости науки и техники — открытия, изобретения, достижения в области науки и техники в СССР и за границей. Фото-хроника знакомит читателей с важнейшими политическими событиями, современной жизнью Советского Союза и стран капитализма, работой комсомола и жизнью и бытом молодежи СССР. Физкультура, борьба за здоровую молодежь. Шахматы, шашки, задачи, загадки, фокусы. Турнир читателей-шахматистов по переноске. Конкурс задач. Театр и кино. Юмор. Что читать читателям „СМЕНЫ“.

БОЛЬШАЯ ЧИТАТЕЛЬСКАЯ ЛОТЕРЕЯ!

ПОДПИСНАЯ ПЛАТА: На 1 год — 1 руб. 80 коп., на 6 мес. — 95 коп., на 3 мес. — 50 коп., на 1 мес. — 18 коп. Розничная цена отдельного номера 10 коп.

БЕСПЛАТНОЕ ПРИЛОЖЕНИЕ

Для годовых подписчиков, при непосредственном обращении в Главную Контору и при условии сдачи подписки не позже 15 января, книга Б. Кальюса — Физкультура для всех. С 46 рисунками (цена в отд. продаже 75 к.).

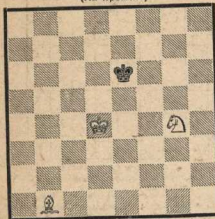
ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЕ ПРИЛОЖЕНИЯ. Подписчикам на срок не менее 3 месяцев предоставляется право получить за особую доплату по значительно пониженным ценам: БИБЛИОТЕКУ ПРИКЛЮЧЕНИЙ НА СУШЕ и НА МОРЕ — из 10 книг. Цена всей библиотеки для подписчиков — 7 р. 50 к. вместо 13 р. 15 к. в отдельной продаже. БИБЛИОТЕКУ КОМСОМОЛЬСКИХ ПОЭТОВ (новые книжки стихов) — из 5 книг. Цена всей библиотеки для подписчиков — 2 р. 50 к. вместо 4 р. 75 к. в отдельной продаже. БИБЛИОТЕКА ТУРИСТА — из 2 книг. Цена всей библиотеки для подписчиков — 1 р. 10 к. вместо 2 р. 05 к. в отдельной продаже.

ПОДПИСКУ И ПЕРЕВОДЫ АДРЕСОВАТЬ в Главную Контору Периодических Изданий Издательства „МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ“ — Москва Центр, Новая площадь, 6.

ШАХМАТЫ

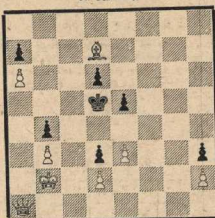
Под редакцией С. М. Слонима

Упражнение № 1
(На премию)

Задача состоит в том, чтобы в кратчайшее количество ходов дать мат черному королю. Ход белых. Первый провалявший самое короткое решение получит вприбавку кигу Алехина. Мой дуэнт партии. Срок присылки решений — 10.11 с. г.

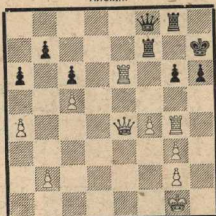
Задача № 3
Л. Залкинд

Мат в два хода

И, наконец, грубейшая ошибка, впервые ослепляющая, в 27 партии.

Алехин

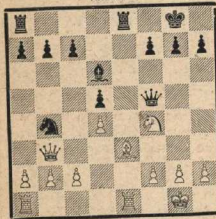
Капаевская

ОШИБКИ КАПАЕВСКОЙ

Странным образом в матчах на первенство мира резко увеличивается количество ошибок и ляпов. Так, Чигорин в самой ответственной партии матча со Стейнцем проиграл мат в 3 хода, в другой партии не замечает провала фигуры. Таран в худшем положении против Ласкера одним ходом проигрывает фигуру и партию. Много грубых ошибок было у Ласкера в матче с Капаевской, и, наконец, последний мат Алехин — Капаевская демонстрирует такие промахи со стороны Капаевской, которые являлись совершенно неожиданными для шахматного мира. Эти ошибки нельзя объяснить ни усталостью (они эти ошибки не объясняют), ни недоразумением Капаевской (она не была в состоянии играть в шахматы), ни плохим настроением (она не была в состоянии играть в шахматы). Единственным объяснением этому может служить лишь первобытная тупость, выходящая за пределы человеческого сознания.

Приведем наиболее яркие ошибки Капаевской:

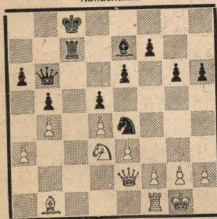
Из 1-й партии
Алехин

Капаевская

Черные угрожают выиграть пешку e2. Вместо того, чтобы задержать ходом Кd4—e3, Капаевская играет 16. Кd1—c1 и после 16... Кd4—e3, 17. d1—c2, Фd1—f2 оказывается без пешки. Так как ферзь не может идти на e3 (18. Сe3—f4, Лd8—e1 х), Партия в результате этого промаха была им проиграна.

Из 12-й партии
Капаевская

Алехин

Главит № А—7074.

В этом приблизительно равном положении Капаевская делает ход 84... Лd7—c8 с совершенно непопулярной идеей. Белые отвечают 85. Фd2—b2, и черные, во власти все той же непопулярной идеи, отвечают необъяснимым ходом 85... Фb6—c7, после чего их партия проиграна. Последовало: 86. Кd8—c8, 87. Сd7—e8, 87. d4—c5, 87—e5, 88. f3—f4, 88—e7, 89. Сd4—e4, 89—e4, 40. Кd1—f2, 40—f6, 41. g2—g3, 41—g4, 42. f2—f1 и черные сдались.

Из 11-й партии
Алехин

Капаевская

Здесь белые сыграли 60. d4—d5 и в результате проиграли партию. Между тем, как указывает мастер Соин в «Шахматх», белые, играя 60. Лd8—e8, добились бы ничьей. Могло последовать: 60... Лd8—e8, 61. Кd2—e2, Лd8—e8, 62. Лd8—e8, 63. Лd8—e8, 64. Кd2—e2, 65. Лd8—e8, 66. Лd8—e8, 67. Лd8—e8, 68. Лd8—e8, 69. Лd8—e8, 70. Лd8—e8, 71. Лd8—e8, 72. Лd8—e8, 73. Лd8—e8, 74. Лd8—e8, 75. Лd8—e8, 76. Лd8—e8, 77. Лd8—e8, 78. Лd8—e8, 79. Лd8—e8, 80. Лd8—e8, 81. Лd8—e8, 82. Лd8—e8, 83. Лd8—e8, 84. Лd8—e8, 85. Лd8—e8, 86. Лd8—e8, 87. Лd8—e8, 88. Лd8—e8, 89. Лd8—e8, 90. Лd8—e8, 91. Лd8—e8, 92. Лd8—e8, 93. Лd8—e8, 94. Лd8—e8, 95. Лd8—e8, 96. Лd8—e8, 97. Лd8—e8, 98. Лd8—e8, 99. Лd8—e8, 100. Лd8—e8, 101. Лd8—e8, 102. Лd8—e8, 103. Лd8—e8, 104. Лd8—e8, 105. Лd8—e8, 106. Лd8—e8, 107. Лd8—e8, 108. Лd8—e8, 109. Лd8—e8, 110. Лd8—e8, 111. Лd8—e8, 112. Лd8—e8, 113. Лd8—e8, 114. Лd8—e8, 115. Лd8—e8, 116. Лd8—e8, 117. Лd8—e8, 118. Лd8—e8, 119. Лd8—e8, 120. Лd8—e8, 121. Лd8—e8, 122. Лd8—e8, 123. Лd8—e8, 124. Лd8—e8, 125. Лd8—e8, 126. Лd8—e8, 127. Лd8—e8, 128. Лd8—e8, 129. Лd8—e8, 130. Лd8—e8, 131. Лd8—e8, 132. Лd8—e8, 133. Лd8—e8, 134. Лd8—e8, 135. Лd8—e8, 136. Лd8—e8, 137. Лd8—e8, 138. Лd8—e8, 139. Лd8—e8, 140. Лd8—e8, 141. Лd8—e8, 142. Лd8—e8, 143. Лd8—e8, 144. Лd8—e8, 145. Лd8—e8, 146. Лd8—e8, 147. Лd8—e8, 148. Лd8—e8, 149. Лd8—e8, 150. Лd8—e8, 151. Лd8—e8, 152. Лd8—e8, 153. Лd8—e8, 154. Лd8—e8, 155. Лd8—e8, 156. Лd8—e8, 157. Лd8—e8, 158. Лd8—e8, 159. Лd8—e8, 160. Лd8—e8, 161. Лd8—e8, 162. Лd8—e8, 163. Лd8—e8, 164. Лd8—e8, 165. Лd8—e8, 166. Лd8—e8, 167. Лd8—e8, 168. Лd8—e8, 169. Лd8—e8, 170. Лd8—e8, 171. Лd8—e8, 172. Лd8—e8, 173. Лd8—e8, 174. Лd8—e8, 175. Лd8—e8, 176. Лd8—e8, 177. Лd8—e8, 178. Лd8—e8, 179. Лd8—e8, 180. Лd8—e8, 181. Лd8—e8, 182. Лd8—e8, 183. Лd8—e8, 184. Лd8—e8, 185. Лd8—e8, 186. Лd8—e8, 187. Лd8—e8, 188. Лd8—e8, 189. Лd8—e8, 190. Лd8—e8, 191. Лd8—e8, 192. Лd8—e8, 193. Лd8—e8, 194. Лd8—e8, 195. Лd8—e8, 196. Лd8—e8, 197. Лd8—e8, 198. Лd8—e8, 199. Лd8—e8, 200. Лd8—e8, 201. Лd8—e8, 202. Лd8—e8, 203. Лd8—e8, 204. Лd8—e8, 205. Лd8—e8, 206. Лd8—e8, 207. Лd8—e8, 208. Лd8—e8, 209. Лd8—e8, 210. Лd8—e8, 211. Лd8—e8, 212. Лd8—e8, 213. Лd8—e8, 214. Лd8—e8, 215. Лd8—e8, 216. Лd8—e8, 217. Лd8—e8, 218. Лd8—e8, 219. Лd8—e8, 220. Лd8—e8, 221. Лd8—e8, 222. Лd8—e8, 223. Лd8—e8, 224. Лd8—e8, 225. Лd8—e8, 226. Лd8—e8, 227. Лd8—e8, 228. Лd8—e8, 229. Лd8—e8, 230. Лd8—e8, 231. Лd8—e8, 232. Лd8—e8, 233. Лd8—e8, 234. Лd8—e8, 235. Лd8—e8, 236. Лd8—e8, 237. Лd8—e8, 238. Лd8—e8, 239. Лd8—e8, 240. Лd8—e8, 241. Лd8—e8, 242. Лd8—e8, 243. Лd8—e8, 244. Лd8—e8, 245. Лd8—e8, 246. Лd8—e8, 247. Лd8—e8, 248. Лd8—e8, 249. Лd8—e8, 250. Лd8—e8, 251. Лd8—e8, 252. Лd8—e8, 253. Лd8—e8, 254. Лd8—e8, 255. Лd8—e8, 256. Лd8—e8, 257. Лd8—e8, 258. Лd8—e8, 259. Лd8—e8, 260. Лd8—e8, 261. Лd8—e8, 262. Лd8—e8, 263. Лd8—e8, 264. Лd8—e8, 265. Лd8—e8, 266. Лd8—e8, 267. Лd8—e8, 268. Лd8—e8, 269. Лd8—e8, 270. Лd8—e8, 271. Лd8—e8, 272. Лd8—e8, 273. Лd8—e8, 274. Лd8—e8, 275. Лd8—e8, 276. Лd8—e8, 277. Лd8—e8, 278. Лd8—e8, 279. Лd8—e8, 280. Лd8—e8, 281. Лd8—e8, 282. Лd8—e8, 283. Лd8—e8, 284. Лd8—e8, 285. Лd8—e8, 286. Лd8—e8, 287. Лd8—e8, 288. Лd8—e8, 289. Лd8—e8, 290. Лd8—e8, 291. Лd8—e8, 292. Лd8—e8, 293. Лd8—e8, 294. Лd8—e8, 295. Лd8—e8, 296. Лd8—e8, 297. Лd8—e8, 298. Лd8—e8, 299. Лd8—e8, 300. Лd8—e8, 301. Лd8—e8, 302. Лd8—e8, 303. Лd8—e8, 304. Лd8—e8, 305. Лd8—e8, 306. Лd8—e8, 307. Лd8—e8, 308. Лd8—e8, 309. Лd8—e8, 310. Лd8—e8, 311. Лd8—e8, 312. Лd8—e8, 313. Лd8—e8, 314. Лd8—e8, 315. Лd8—e8, 316. Лd8—e8, 317. Лd8—e8, 318. Лd8—e8, 319. Лd8—e8, 320. Лd8—e8, 321. Лd8—e8, 322. Лd8—e8, 323. Лd8—e8, 324. Лd8—e8, 325. Лd8—e8, 326. Лd8—e8, 327. Лd8—e8, 328. Лd8—e8, 329. Лd8—e8, 330. Лd8—e8, 331. Лd8—e8, 332. Лd8—e8, 333. Лd8—e8, 334. Лd8—e8, 335. Лd8—e8, 336. Лd8—e8, 337. Лd8—e8, 338. Лd8—e8, 339. Лd8—e8, 340. Лd8—e8, 341. Лd8—e8, 342. Лd8—e8, 343. Лd8—e8, 344. Лd8—e8, 345. Лd8—e8, 346. Лd8—e8, 347. Лd8—e8, 348. Лd8—e8, 349. Лd8—e8, 350. Лd8—e8, 351. Лd8—e8, 352. Лd8—e8, 353. Лd8—e8, 354. Лd8—e8, 355. Лd8—e8, 356. Лd8—e8, 357. Лd8—e8, 358. Лd8—e8, 359. Лd8—e8, 360. Лd8—e8, 361. Лd8—e8, 362. Лd8—e8, 363. Лd8—e8, 364. Лd8—e8, 365. Лd8—e8, 366. Лd8—e8, 367. Лd8—e8, 368. Лd8—e8, 369. Лd8—e8, 370. Лd8—e8, 371. Лd8—e8, 372. Лd8—e8, 373. Лd8—e8, 374. Лd8—e8, 375. Лd8—e8, 376. Лd8—e8, 377. Лd8—e8, 378. Лd8—e8, 379. Лd8—e8, 380. Лd8—e8, 381. Лd8—e8, 382. Лd8—e8, 383. Лd8—e8, 384. Лd8—e8, 385. Лd8—e8, 386. Лd8—e8, 387. Лd8—e8, 388. Лd8—e8, 389. Лd8—e8, 390. Лd8—e8, 391. Лd8—e8, 392. Лd8—e8, 393. Лd8—e8, 394. Лd8—e8, 395. Лd8—e8, 396. Лd8—e8, 397. Лd8—e8, 398. Лd8—e8, 399. Лd8—e8, 400. Лd8—e8, 401. Лd8—e8, 402. Лd8—e8, 403. Лd8—e8, 404. Лd8—e8, 405. Лd8—e8, 406. Лd8—e8, 407. Лd8—e8, 408. Лd8—e8, 409. Лd8—e8, 410. Лd8—e8, 411. Лd8—e8, 412. Лd8—e8, 413. Лd8—e8, 414. Лd8—e8, 415. Лd8—e8, 416. Лd8—e8, 417. Лd8—e8, 418. Лd8—e8, 419. Лd8—e8, 420. Лd8—e8, 421. Лd8—e8, 422. Лd8—e8, 423. Лd8—e8, 424. Лd8—e8, 425. Лd8—e8, 426. Лd8—e8, 427. Лd8—e8, 428. Лd8—e8, 429. Лd8—e8, 430. Лd8—e8, 431. Лd8—e8, 432. Лd8—e8, 433. Лd8—e8, 434. Лd8—e8, 435. Лd8—e8, 436. Лd8—e8, 437. Лd8—e8, 438. Лd8—e8, 439. Лd8—e8, 440. Лd8—e8, 441. Лd8—e8, 442. Лd8—e8, 443. Лd8—e8, 444. Лd8—e8, 445. Лd8—e8, 446. Лd8—e8, 447. Лd8—e8, 448. Лd8—e8, 449. Лd8—e8, 450. Лd8—e8, 451. Лd8—e8, 452. Лd8—e8, 453. Лd8—e8, 454. Лd8—e8, 455. Лd8—e8, 456. Лd8—e8, 457. Лd8—e8, 458. Лd8—e8, 459. Лd8—e8, 460. Лd8—e8, 461. Лd8—e8, 462. Лd8—e8, 463. Лd8—e8, 464. Лd8—e8, 465. Лd8—e8, 466. Лd8—e8, 467. Лd8—e8, 468. Лd8—e8, 469. Лd8—e8, 470. Лd8—e8, 471. Лd8—e8, 472. Лd8—e8, 473. Лd8—e8, 474. Лd8—e8, 475. Лd8—e8, 476. Лd8—e8, 477. Лd8—e8, 478. Лd8—e8, 479. Лd8—e8, 480. Лd8—e8, 481. Лd8—e8, 482. Лd8—e8, 483. Лd8—e8, 484. Лd8—e8, 485. Лd8—e8, 486. Лd8—e8, 487. Лd8—e8, 488. Лd8—e8, 489. Лd8—e8, 490. Лd8—e8, 491. Лd8—e8, 492. Лd8—e8, 493. Лd8—e8, 494. Лd8—e8, 495. Лd8—e8, 496. Лd8—e8, 497. Лd8—e8, 498. Лd8—e8, 499. Лd8—e8, 500. Лd8—e8, 501. Лd8—e8, 502. Лd8—e8, 503. Лd8—e8, 504. Лd8—e8, 505. Лd8—e8, 506. Лd8—e8, 507. Лd8—e8, 508. Лd8—e8, 509. Лd8—e8, 510. Лd8—e8, 511. Лd8—e8, 512. Лd8—e8, 513. Лd8—e8, 514. Лd8—e8, 515. Лd8—e8, 516. Лd8—e8, 517. Лd8—e8, 518. Лd8—e8, 519. Лd8—e8, 520. Лd8—e8, 521. Лd8—e8, 522. Лd8—e8, 523. Лd8—e8, 524. Лd8—e8, 525. Лd8—e8, 526. Лd8—e8, 527. Лd8—e8, 528. Лd8—e8, 529. Лd8—e8, 530. Лd8—e8, 531. Лd8—e8, 532. Лd8—e8, 533. Лd8—e8, 534. Лd8—e8, 535. Лd8—e8, 536. Лd8—e8, 537. Лd8—e8, 538. Лd8—e8, 539. Лd8—e8, 540. Лd8—e8, 541. Лd8—e8, 542. Лd8—e8, 543. Лd8—e8, 544. Лd8—e8, 545. Лd8—e8, 546. Лd8—e8, 547. Лd8—e8, 548. Лd8—e8, 549. Лd8—e8, 550. Лd8—e8, 551. Лd8—e8, 552. Лd8—e8, 553. Лd8—e8, 554. Лd8—e8, 555. Лd8—e8, 556. Лd8—e8, 557. Лd8—e8, 558. Лd8—e8, 559. Лd8—e8, 560. Лd8—e8, 561. Лd8—e8, 562. Лd8—e8, 563. Лd8—e8, 564. Лd8—e8, 565. Лd8—e8, 566. Лd8—e8, 567. Лd8—e8, 568. Лd8—e8, 569. Лd8—e8, 570. Лd8—e8, 571. Лd8—e8, 572. Лd8—e8, 573. Лd8—e8, 574. Лd8—e8, 575. Лd8—e8, 576. Лd8—e8, 577. Лd8—e8, 578. Лd8—e8, 579. Лd8—e8, 580. Лd8—e8, 581. Лd8—e8, 582. Лd8—e8, 583. Лd8—e8, 584. Лd8—e8, 585. Лd8—e8, 586. Лd8—e8, 587. Лd8—e8, 588. Лd8—e8, 589. Лd8—e8, 590. Лd8—e8, 591. Лd8—e8, 592. Лd8—e8, 593. Лd8—e8, 594. Лd8—e8, 595. Лd8—e8, 596. Лd8—e8, 597. Лd8—e8, 598. Лd8—e8, 599. Лd8—e8, 600. Лd8—e8, 601. Лd8—e8, 602. Лd8—e8, 603. Лd8—e8, 604. Лd8—e8, 605. Лd8—e8, 606. Лd8—e8, 607. Лd8—e8, 608. Лd8—e8, 609. Лd8—e8, 610. Лd8—e8, 611. Лd8—e8, 612. Лd8—e8, 613. Лd8—e8, 614. Лd8—e8, 615. Лd8—e8, 616. Лd8—e8, 617. Лd8—e8, 618. Лd8—e8, 619. Лd8—e8, 620. Лd8—e8, 621. Лd8—e8, 622. Лd8—e8, 623. Лd8—e8, 624. Лd8—e8, 625. Лd8—e8, 626. Лd8—e8, 627. Лd8—e8, 628. Лd8—e8, 629. Лd8—e8, 630. Лd8—e8, 631. Лd8—e8, 632. Лd8—e8, 633. Лd8—e8, 634. Лd8—e8, 635. Лd8—e8, 636. Лd8—e8, 637. Лd8—e8, 638. Лd8—e8, 639. Лd8—e8, 640. Лd8—e8, 641. Лd8—e8, 642. Лd8—e8, 643. Лd8—e8, 644. Лd8—e8, 645. Лd8—e8, 646. Лd8—e8, 647. Лd8—e8, 648. Лd8—e8, 649. Лd8—e8, 650. Лd8—e8, 651. Лd8—e8, 652. Лd8—e8, 653. Лd8—e8, 654. Лd8—e8, 655. Лd8—e8, 656. Лd8—e8, 657. Лd8—e8, 658. Лd8—e8, 659. Лd8—e8, 660. Лd8—e8, 661. Лd8—e8, 662. Лd8—e8, 663. Лd8—e8, 664. Лd8—e8, 665. Лd8—e8, 666. Лd8—e8, 667. Лd8—e8, 668. Лd8—e8, 669. Лd8—e8, 670. Лd8—e8, 671. Лd8—e8, 672. Лd8—e8, 673. Лd8—e8, 674. Лd8—e8, 675. Лd8—e8, 676. Лd8—e8, 677. Лd8—e8, 678. Лd8—e8, 679. Лd8—e8, 680. Лd8—e8, 681. Лd8—e8, 682. Лd8—e8, 683. Лd8—e8, 684. Лd8—e8, 685. Лd8—e8, 686. Лd8—e8, 687. Лd8—e8, 688. Лd8—e8, 689. Лd8—e8, 690. Лd8—e8, 691. Лd8—e8, 692. Лd8—e8, 693. Лd8—e8, 694. Лd8—e8, 695. Лd8—e8, 696. Лd8—e8, 697. Лd8—e8, 698. Лd8—e8, 699. Лd8—e8, 700. Лd8—e8, 701. Лd8—e8, 702. Лd8—e8, 703. Лd8—e8, 704. Лd8—e8, 705. Лd8—e8, 706. Лd8—e8, 707. Лd8—e8, 708. Лd8—e8, 709. Лd8—e8, 710. Лd8—e8, 711. Лd8—e8, 712. Лd8—e8, 713. Лd8—e8, 714. Лd8—e8, 715. Лd8—e8, 716. Лd8—e8, 717. Лd8—e8, 718. Лd8—e8, 719. Лd8—e8, 720. Лd8—e8, 721. Лd8—e8, 722. Лd8—e8, 723. Лd8—e8, 724. Лd8—e8, 725. Лd8—e8, 726. Лd8—e8, 727. Лd8—e8, 728. Лd8—e8, 729. Лd8—e8, 730. Лd8—e8, 731. Лd8—e8, 732. Лd8—e8, 733. Лd8—e8, 734. Лd8—e8, 735. Лd8—e8, 736. Лd8—e8, 737. Лd8—e8, 738. Лd8—e8, 739. Лd8—e8, 740. Лd8—e8, 741. Лd8—e8, 742. Лd8—e8, 743. Лd8—e8, 744. Лd8—e8, 745. Лd8—e8, 746. Лd8—e8, 747. Лd8—e8, 748. Лd8—e8, 749. Лd8—e8, 750. Лd8—e8, 751. Лd8—e8, 752. Лd8—e8, 753. Лd8—e8, 754. Лd8—e8, 755. Лd8—e8, 756. Лd8—e8, 757. Лd8—e8, 758. Лd8—e8, 759. Лd8—e8, 760. Лd8—e8, 761. Лd8—e8, 762. Лd8—e8, 763. Лd8—e8, 764. Лd8—e8, 765. Лd8—e8, 766. Лd8—e8, 767. Лd8—e8, 768. Лd8—e8, 769. Лd8—e8, 770. Лd8—e8, 771. Лd8—e8, 772. Лd8—e8, 773. Лd8—e8, 774. Лd8—e8, 775. Лd8—e8, 776. Лd8—e8, 777. Лd8—e8, 778. Лd8—e8, 779. Лd8—e8, 780. Лd8—e8, 781. Лd8—e8, 782. Лd8—e8, 783. Лd8—e8, 784. Лd8—e8, 785. Лd8—e8, 786. Лd8—e8, 787. Лd8—e8, 788. Лd8—e8, 789. Лd8—e8, 790. Лd8—e8, 791. Лd8—e8, 792. Лd8—e8, 793. Лd8—e8, 794. Лd8—e8, 795. Лd8—e8, 796. Лd8—e8, 797. Лd8—e8, 798. Лd8—e8, 799. Лd8—e8, 800. Лd8—e8, 801. Лd8—e8, 802. Лd8—e8, 803. Лd8—e8, 804. Лd8—e8, 805. Лd8—e8, 806. Лd8—e8, 807. Лd8—e8, 808. Лd8—e8, 809. Лd8—e8, 810. Лd8—e8, 811. Лd8—e8, 812. Лd8—e8, 813. Лd8—e8, 814. Лd8—e8, 815. Лd8—e8, 816. Лd8—e8, 817. Лd8—e8, 818. Лd8—e8, 819. Лd8—e8, 820. Лd8—e8, 821. Лd8—e8, 822. Лd8—e8, 823. Лd8—e8, 824. Лd8—e8, 825. Лd8—e8, 826. Лd8—e8, 827. Лd8—e8, 828. Лd8—e8, 829. Лd8—e8, 830. Лd8—e8, 831. Лd8—e8, 832. Лd8—e8, 833. Лd8—e8, 834. Лd8—e8, 835. Лd8—e8, 836. Лd8—e8, 837. Лd8—e8, 838. Лd8—e8, 839. Лd8—e8, 840. Лd8—e8, 841. Лd8—e8, 842. Лd8—e8, 843. Лd8—e8, 844. Лd8—e8, 845. Лd8—e8, 846. Лd8—e8, 847. Лd8—e8, 848. Лd8—e8, 849. Лd8—e8, 850. Лd8—e8, 851. Лd8—e8, 852. Лd8—e8, 853. Лd8—e8, 854. Лd8—e8, 855. Лd8—e8, 856. Лd8—e8, 857. Лd8—e8, 858. Лd8—e8, 859. Лd8—e8, 860. Лd8—e8, 861. Лd8—e8, 862. Лd8—e8, 863. Лd8—e8, 864. Лd8—e8, 865. Лd8—e8, 866. Лd8—e8, 867. Лd8—e8, 868. Лd8—e8, 869. Лd8—e8, 870. Лd8—e8, 871. Лd8—e8, 872. Лd8—e8, 873. Лd8—e8, 874. Лd8—e8, 875. Лd8—e8, 876. Лd8—e8, 877. Лd8—e8, 878. Лd8—e8, 879. Л